

АРИСТАРХ РИДДЕР
КРИС ФОРД
ВАЙ НОТ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

Председатель

Вай Нот

Председатель

«Ав»

«Автор»

«автор»

Нот В.

Председатель / В. Нот — «Ав», «Автор», «автор»,
— (Председатель)

Правила техники безопасности пишутся не просто так. За сорок лет трудового стажа я это хорошо усвоил. А вот один молодой олух забыл простое правило, что нельзя включать рубильник, который выключил не ты. И вместо обычного рабочего дня мне достался разряд тока, после которого я очутился не в больнице, а в купе советского поезда пятьдесят два года назад. И, похоже, он везёт меня в какую-то глушь, да ещё и по назначению, от которого нельзя отказаться.

© Нот В.

© Ав

© Автор

© автор

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	31
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Вай Нот, Аристарх Риддер, Крис Форд

Председатель

Глава 1

– В общем, такие дела, Петрович. Либо ты придумаешь, как нам обслуживать станки без импортных запасных частей, либо придётся их постепенно выключать и сокращать производство до лучших времён. И людей соответственно.

Я слушал начальника и внутренне горько усмехался. И это всё к чему пришло руководство за несколько часов совещания. Спорили, ругались, искали варианты. Но, что тут придумаешь, когда часть партнёров рвёт все договорённости, а другие и рады бы сотрудничать, но их политики успешно вставляют палки в колёса и стреляют себе в ногу. Санкции, чтоб их.

И вот, докатились, что теперь Петрович, то бишь я, стал главной надеждой на спасение завода. Спасибо за доверие, конечно, но...

– Я что вам волшебник? Новые детали из пальца вроде бы высасывать ещё не научился. А на одной починке далеко не уедешь. Будь это так просто и не заказывали бы постоянно.

Кажется, все остальные, кроме разговаривающего со мной директора, решили просто тихо смыться из зала совещаний, оставив на Иван Василича всю тяжесть уговоров. Дюжина мужчин как в деловых, так и в рабочих костюмах друг за другом вставали из-за стола и гуськом исчезали за дверью, лишь кивая на прощание. И я их понимаю. Девять вечера, всё-таки. Хотя с учётом результата, могли разойтись ещё в обед.

– А кто если не ты, Матвей? – не сдавался директор, – Ты тридцать лет здесь проработал главным инженером. Каждый винтик знаешь. Если ты не сможешь, то никто.

Я тяжело вздохнул и, облокотившись об стол, подпёр лоб рукой.

– Будто я сам этого не понимаю. Но ты просишь о невозможном, Вань.

– Ты подумай, хотя бы. Мы с тобой так долго работаем вместе. Чего только не случилось. Ладно, все понимают, что идеально тут уже ничего не залатаешь, но хоть полгода бы протянуть, а там глядишь санкции ослабят и прорвёмся. А то ведь совсем труба.

– Подумаю, – пообещал я.

И правда, знаю ведь, что всё равно иначе не смогу. Честно сказать, я уже и сам неделю ломал голову над тем, что можно сделать. Как в воду глядел, что никаких толковых решений на совещании не предложат. Обидно, чёрт дери! Всё ведь есть в стране. Любые металлы, энергоресурсов хоть жопой жуй. А делать из этого так толком ничего и не научились. Вот и сидим теперь, кукуем без импортных деталей.

А ведь могли бы вкладываться в производство, а не превращать страну в бензоколонку. Но что уж теперь. Может хоть теперь подвижки начнутся в нужную сторону.

Эх. Ладно. Ещё одна бессонная ночь намечается.

Прощавшись с Иваном, я вышел на улицу, сел в свой старенький авто и поехал домой. Домой, где меня давно никто не ждёт. Дочка замужем. С женой лет двадцать назад развелись, устали друг от друга, так что всё полюбовно вышло, общаемся даже. Вот только снова я так и не сошёлся ни с кем, бывали женщины, конечно, но как-то ни до чего серьёзного не дошло. Друзья шутят, что на работе женился. Хотя, если честно, хоть и люблю свою работу, но всегда об ином мечтал.

Вот еду сейчас по дороге, а вокруг сплошные каменные джунгли. Ранняя весна. Всё серо и уныло. Однообразные старенькие хрущёвки, изредка разбавленные новостройками, которые всё равно не слишком красят пейзаж. Даже на небо посмотришь, и оно всё смогом затянуто,

звёзд толком и не видно почти никогда. Ну и воздух соответствующий, и не вдохнуть полной грудью.

Вот бы бросить всё, да умотать на рыбалку хотя бы. Куда-нибудь подальше от города, чтобы и звёзды, и воздух, и птички пели какие-то, помимо летающих крыс – голубей.

Собственно, я и мечтал всегда именно об этом. О том, чтобы жить где-нибудь в деревне, вокруг лес, поля, реки с рыбкой, а не с городскими помоями. Да вот только сейчас в наших деревнях, не жизнь, а выживание. Мечты это дело одно, а здравый смысл прагматизм совсем другое. Вот и работаю всю жизнь на заводе, хоть и по производству сельскохозяйственной техники. А в свободное время езжу на дачу, и там мне уже и рыбалка, и грибы, и ягоды-овощи свои, домашние, что гораздо вкуснее магазинных. А какие с ними маринады моя мама закручивала, пока жива была, просто пальчики оближешь. Я так не умею, поэтому даже и не берусь.

Ладно, пора возвращаться к реальности, сейчас зайду домой, наверну по-быстрому пельменей и буду думать, что, черт его дери, делать с простаивающим оборудованием.

Что ж. Хорошие мысли часто приходят в самый неожиданный момент. Проломав голову почти половину ночи, я всё-таки завалился спать, но уже в пять утра, меня разбудила одна идея. И так засвербило её сразу же и проверить, что я, выпив кофе, поспешил на завод пораньше.

Едва поздоровавшись с охраной, я влетел в зал с простаивающим оборудованием, полностью всё обесточил, не забыв про предупреждающую табличку, а то мало ли кого принесёт, и с головой погрузился в работу. Пока я, подсвечивая себе фонариком, разбирал и собирал механизм, время летело незаметно, процесс был кропотливым, так что я даже удивился, когда понял, что скоро начнётся рабочая смена. К счастью, когда в зал ворвался Серёга Михеев, один из рабочих, я уже почти закончил.

– Здорово, Петрович, есть какой-то результат? – с любопытством спросил он, – охранники наши сказали, что ты тут чуть ли не с ночи возишься.

Серёга, наверное, самый молодой рабочий у нас, ещё сохранивший какой-то энтузиазм. Вон даже на работу раньше всех припёрся.

– Какой-то есть. Проверить только надо, щас электричество включу.

– Так я могу! – с готовностью отозвался Михеев и прыгнул к рубильнику.

– Стой, идио...

Договорить я не успел. Как не успел и убраться подальше от опасных оголённых проводов, под которые я подлез ранее, чтобы всё починить. Твою ж мать...

Удар. Встряска. Боль. Темнота.

* * *

Москва, Министерство сельского хозяйства СССР 9-е апреля 1970 год. Кабинет заместителя начальника управления руководящих кадров.

В просторном и очень типичном кабинете с неизменными тяжёлыми шторами, портретом Ильича и столами поставленными буквой Т находились двое. Хозяин кабинета, грузный мужчина, чей вид буквально кричал, что он самая настоящая элита первого в мире государства рабочих и крестьян. И его гость, сухой как палка человек с чрезвычайно подвижным лицом.

Грузный закончил чтение документов из папки, которая легла ему на стол десять минут назад и, прочистив горло, сказал:

– Значит так, Арсений Львович. Засунь этого козла в самый задрипанный колхоз центральной-нечерноземной зоны. Это должна быть такая задница, из которой он никогда не сможет выбраться. И чтобы я слышал о нём только в контексте того, что он позорит партию и наше славное сельское хозяйство.

– Сделаем, Сделаем Дмитрий Антонович.

– И вот еще что, финансирование этого колхоза должно согласовываться отдельно. Всё через меня. Он должен получать самый минимум, тем более что наше государство не может себе позволить разбрасываться деньгами и выделять их на неудачников. Ты меня понял?

* * *

Странно. Я слышал, что перед смертью перед глазами прокручивается вся наша жизнь. Но тогда, почему, чёрт побери, я наблюдаю за жизнью совершенно незнакомого мне паренька? Иногда как будто со стороны. А иногда, словно я это он. Некий Александр Филатов.

Быстрой, но яркой вспышкой промелькнули детские годы в полуразрушенной после войны деревеньке где-то под Москвой. Доброе лицо бабушки, которая почему-то часто плакала, но очень его (но как будто меня) любила, парочка других детей в бедной изношенной одежде, с которыми мы часто играли на улице, а потом бабуля умерла, когда мне исполнилось лет семь, и я (он?) оказался в детдоме. Переполненном детдоме, где многим детям не повезло даже часть жизни провести в семье. Тогда я впервые услышал дату – 1952-й год. Сам я только по рассказам родителей знал, как тяжело тогда людям приходилось, родился то я только в 65 м, а что-то начал понимать только в относительно сытые 70е. И лишь теперь глядя глазами Филатова на всю эту бедность и разруху вокруг, в полной мере осознал, какую огромную работу проделали тогда советские люди, чтобы жизнь снова вернулась в нормальное русло.

Александр, судя по моим видениям, был очень скромным тихим мальчиком, с тех пор как он попал в детдом, всегда старался держаться подальше от других детей. Но это не всегда его спасало. Не то, чтобы его постоянно задирали, но явно не любили и не уважали, особенно после того как он стал типичным школьным ботаником. Но, видимо, как раз благодаря тому, что он без лишних вопросов давал списывать всем, кто просит, его особо и не шпыняли.

Закончив школу с золотой медалью уже в Москве и отдав долг родине, три года прослужив в армии, он поступил в сельскохозяйственную академию имени К. А. Тимирязева на экономический факультет. Почему был сделан именно такой выбор, я не понял. Но, проучившись пять лет, и закончив его с красным дипломом он устроился в министерство сельского хозяйства в управление овощеводства. Простому смертному, да еще и сироте получить такое назначение было практически нереально, но помог единственный институтский друг Филатова, Костя Доронин, чей отец был не последним человеком в этом самом министерстве.

А затем Филатов впервые по-настоящему влюбился. Да не в кого-нибудь, а в умницу, красавицу, комсомолку Анечку Кулагину, чья фамилия для знающих людей говорила в тот момент сама за себя. Дмитрий Кулагин был большим человеком в профильном министерстве с очень хорошими связями. И этот факт часто занимал мысли Филатова, потому что хоть Анечка вроде бы и отвечала ему взаимностью, но такой мезальянс вряд ли входил в планы её отца. Поэтому, когда сверху прислали информацию, что его рекомендовали председателем в какой-то калужский колхоз, Александр даже и не удивился особо, хотя и расстроился до ужаса. Никогда даже каплю водки в рот не бравший двадцатисемилетний парень так наклюкался до посадки на поезд и во время дороги, что вырубился на своей койке в совершенно невменяемом состоянии.

Вот только с жутким отходняком очнулся почему-то уже я. Голова раскалывается, перед глазами всё плывёт, во рту дикий сушняк, я такого с молодости не помню. Неужели это после удара током такое? Нет. Стоп. Кое-как разлепив глаза, я потихоньку осознал, что на палату в больнице окружающий меня антураж совсем не походит. Да и ритмичный стук колёс, тупой ноющей болью отдающийся в моей чугунной голове, тоже наталкивал на иные подозрения.

Да не. Не может быть. Мозг изо всех сил пытался сложить два и два, озадаченно уставившись на белые занавески на окне поезда. Приложив усилие, я сумел перевести свой туманный взгляд на что-то другое. Например, на столик, на котором, выпуская горячий пар, стоял чай

в стакане, и, что самое главное, в до боли знакомом массивном кованом подстаканнике. Качественные глюки, ничего не скажешь.

Рядом с чаем была расстелена газетка с надкусанным пирожком, которым угощался сухонький дедок весьма интеллигентного вида. Заметив, что я очнулся, он уставился на меня с явным осуждением во взгляде.

Да что здесь происходит?! Недолго думая, я ущипнул себя за руку. Больно. Но нет, навязание не развеялось. Я по-прежнему находился в этом купе, где кроме меня, деда и моей лютой головной боли никого не было. Поморщившись, я приподнялся с полки. Если это всё всерьёз, то надо бы посмотреть какие у меня есть вещи с собой. Пить хочется пипец. Я невольно снова покосился на дедовский чай. Заметив это, он покачал головой:

– Зачем же так напиваться? – укоризненно спросил он меня, – что за молодёжь пошла... а одет вроде прилично...

Вот только нотаций мне сейчас не хватало. Молодёжь, блин. Нет, я конечно, помладше этого деда, но лет на десять-пятнадцать, не больше.

Хотя... винтики в измученной голове закрутились, и я снова вспомнил про свои «предсмертные» видения, а потом перевёл взгляд на руку. Так и есть. Это не моя рука. Гораздо моложе, да и вообще, даже форма и длина пальцев и ладони совсем другая.

Да уж... я, конечно, много фантастики разной за свою жизнь перечитал, но ещё в школе перестал надеяться стать одним из её героев. Может всё-таки глюки? Мне срочно нужно зеркало. И вода!

– Какой-то ты пришибленный чутка, – снова заговорил дедок, но уже с долей сочувствия, – может случилось чего?

Да, дед, случилось. Вот только правду рассказать я тебе не могу, если не хочу сразу же с поезда отъехать в психушку. Ладно. Может быть, я просто перечитал романов про попаданцев, и на самом деле всему есть разумное объяснение?

– Трудный период, – кое-как разжав пересохшее горло, выдавил я из себя.

И голос, конечно же, тоже на мой походил совсем мало.

Я продолжал разглядывать купе, надеясь найти хоть какие-то подсказки. За окном мелькал однообразный лесной пейзаж. А выхватывать газету на которой лежали пирожки, чтобы посмотреть дату, было бы слишком подозрительно и грубо.

Ага. Наконец я заметил то, что могло мне помочь. С моей стороны, под столом стоял коричневый кожаный портфель. Давненько таких не видел... выглядит как ещё одно доказательство тому, что я не в своём времени.

Одним взглядом продолжая наблюдать за попутчиком, я потянулся к портфелю и начал в нём копаться. Дед не возражал, значит это точно моё. Пошарив по отделам, я извлёк оттуда кошелек с паспортом, последний говорил сам за себя своей до боли знакомой зеленой корочкой с серпом и молотом, ровно такая была у моих родителей когда я смог хоть что-то помнить. Открыв его, я уже почти не удивился. Александр Филатов. Тот самый, кого я видел в видениях. А значит, либо они всё ещё продолжают, либо я и правда вселился в этого парня. Ну и дела. Но почему именно в него? И значит ли это, что я умер? А он тогда тоже? Но от чего? Неужели алкашкой траванулся? Слабенький же у него тогда организм... надо быть осторожней, если я собираюсь и дальше жить в его теле. Хотя «собираюсь» сильное слово. Как будто у меня есть выбор...

Чёрт. Мне срочно нужно попить. Даже самые простые мысли даются с трудом. Надо поскорее привести себя в порядок и всё проанализировать.

Я кое-как встал, едва не грохнувшись сразу на деда, который, глядя на это, испуганно отодвинулся дальше к окну.

– Ты бы лучше отдышал, – он неодобрительно покачал головой, – покалечишься ещё.

– Всё хорошо, – я старался держаться, как можно уверенней и, почти не шатаясь, вышел в коридор.

Мне очень хотелось сразу же пойти к проводникам и попросить у них воды, но лучше сначала умоюсь.

Добравшись до туалета, я, к счастью, не обнаружил там очереди и, закрывшись, сразу же уставился в зеркало. Да уж. Крайне непривычно видеть в нём совершенно левую рожу, да ещё и изрядно помятую.

Но ладно. Есть и плюсы. Рожа молодая и вроде даже не страшная, жгучий брюнет с большими голубыми глазами. Этот Александр в общем-то даже вполне ничего, особенно после того как я его умыл и расчесал. Пока никак не могу начать думать о его теле, как о своём. Но, надеюсь, привыкну. Потому что даже туман в голове потихоньку начал рассеиваться, а эта галлюцинация нет.

Ладно. Теперь за водой. Хм... а было бы неплохо познакомиться с симпатичной проводницей. Раз уж я снова молод и красив.

Улыбнувшись своим мыслям, я быстро пересёк вагон, и хорошее предчувствие меня не обмануло. Хорошенькая молодая блондинка с аккуратно уложенными волосами, смеющимися глазами и очень тонкой талией, такой что можно обхватить двумя ладонями, с улыбкой налила мне холодной воды в стакан, который я выпил залпом, буквально ощущая, как ко мне возвращается жизнь.

Немного разговорив проводницу, я узнал, что её зовут Оля и как-то так расслабился, что едва не пропел ей песню Чижа, ту самую, дорожную, про проводницу Оленьку, но сдержался. Хотя я ещё не знал, какой сейчас год, но, сомневаюсь, что этот трек уже существует. Кстати...

– Оленька, а есть свежие газеты в продаже? – всё-таки не устоял я от желания ласково к ней обратиться.

Девушка смутилась и быстренько нырнула к себе в купе. Я уже и отвык от подобных реакций. В моих двадцатых таких стеснительных девиц почти и не встретишь уже.

– Да, конечно, сейчас, остались только вечерние «Известия», вчерашние. Брать будете?

– Конечно. Сколько с меня?

– Три копейки, как и везде, пятничный же выпуск. – она снова вышла ко мне уже с газетой.

Точно. Я начал припоминать, что и впрямь в определённые дни ежедневные газеты стоили дороже. Передовое советское государство с миллионов своих горячо любимых граждан в пятницу берёт на копейку больше, мелочь, но, как говорится, копейка рубль бережёт.

К счастью, в кошельке Филатова нашлось достаточно монет, чтобы я не беспокоился о мелких расходах. Так что быстро расплатившись, я ещё раз улыбнулся проводнице и вернулся к себе.

– Вижу, полегчало тебе, – встретил меня дедок очередной репликой.

Но болтать с ним я был совсем не настроен, поэтому только кивнул и раскрыл газету. Из которой сразу повеяло советским духом. Да... Ошибки быть не может. «Строим жизнь по Ленину» на первой странице и дальше в том же духе: «Великое идейное наследие», «Там, где стартует ракета», «Коммунистический субботник»...

Но нет. Мне не настолько скучно сейчас, чтобы это читать. Потом я, конечно, волей-неволей должен буду вникнуть в происходящие в мире события, но в эту секунду, самое важное – дата.

Десятое апреля, 1970 года. Ага. Оленька сказала, что газета вчерашняя. Значит сегодня суббота и одиннадцатое апреля. Семидесятый год, да уж. Не самое удобное время для использования знаний о будущем. Из страны меня никто никуда не выпустит, до развала союза много лет, до биткоина и того больше. Мда... сильно с такими вводными не разгуляешься. Планы на

быстрое и простое обогащение придётся отложить, а успешный Остап Бендер из меня вряд ли получится, да и даже он кончил не сказать, что хорошо.

В общем, пора всерьёз вспоминать и анализировать, что там мне привиделось про Филатова. Не знаю уж, зачем, для чего и что за силы меня отправили в прошлое и засунули в его тело, но спасибо и на том, что хотя бы частичную его память в меня загрузили. Значит, видимо, еду я в этот самый колхоз, куда его сплавил, очевидно, некий влиятельный Кулагин, чтобы к дочке яйца не подкатывал.

Я снова покопался в своём портфеле и достал оттуда билет. Ну да, всё сходится. Еду до Калуги. Видимо, там меня встретят и повезут куда надо. А может забить? Я задумался. Деньги есть, можно вернуться в Москву и там отказаться от назначения, если получится. Заняться чем-то другим. Может даже как-то добиться разрешения на выезд, а уж за рубежом я быстро найду способ разбогатеть, используя свои знания о будущем. Это лучше, чем гнить в каком-то богом забытом захолустье...

С другой стороны, а не это ли то, чего я всегда хотел? Ну не гнить в смысле, а жить подальше от шумных больших городов. Ближе к природе... я ведь как раз думал об этом накануне... кхм... смерти. Может, мне потому и дали второй шанс, чтобы я прожил свою новую жизнь иначе? А вдруг и для страны сделаю что-то хорошее? Это в двадцать первом веке на деревни в России без слёз не взглянешь, но кто мешает мне сейчас это изменить? Тем более, что в сельскохозяйственной технике я разбираюсь лучше многих, столько лет на заводе по этой теме отпахал. Да и в остальном вроде не дурак, много современных фишек про фермы знаю. То есть уже не современных, а будущих.

Так я погрузился в свои размышления на все те часы, что оставалось ехать до Калуги. Дедок-попутчик ещё попытался пару раз завязать беседу, но, видя, что я почти не реагирую, сдался. А мне и правда не до него было. Я даже к Оленьке флиртовать решил больше не ходить. Слишком серьёзное решение мне предстояло принять, слишком многое обдумать и осознать. Не каждый день проваливаешься в прошлое, да ещё и в чужом теле.

Но по итогу я понял, что жаль мне только того, что дочку с внуками больше не увижу. Но она и без меня не пропадёт. Муж ей хороший достался, да и сама не промах. Всё у них будет хорошо.

А я твёрдо решил. Принимаю вызов судьбы!

Глава 2

За размышлениями я и не заметил, как лесной пейзаж за окном постепенно сменился на пригородные домики. Только когда дед начал суетиться и готовиться к выходу, я осознал, что мы скоро остановимся на станции, хотя и не был ещё уверен, что это именно Калуга. Но Оленька развеяла мои сомнения. С улыбкой заглянув к нам в купе, она сообщила, что примерно через десять минут мы прибудем на вокзал, где поезд простоит полчаса, а значит времени у меня более чем достаточно, чтобы провести ревизию вещей, которые взял с собой Филатов. Ранее я уже нашёл в портфеле документы и кошелёк с деньгами, но теперь хотел быстренько рассмотреть всё остальное. Хотя и понимал, что вряд ли обнаружу что-то важное.

Как и ожидалось, Александр в основном сложил в портфель одни лишь предметы первой необходимости. Например, гребень, которым я сразу и причесался, пару платков, в один из которых он замотал зубную щётку и порошок для чистки зубов, я уже и забыл о его существовании! Да уж... а ведь когда-то и моя семья пользовалась таким. Я покрутил в руках круглую картонную коробочку с надписью «Мятный» и вздохнул. Боюсь представить, сколько ещё не самых удобных артефактов из прошлого мне предстоит вспомнить. Хотя зубная паста вроде уже существует, просто ещё не столь широко распространена. Ладно, разберусь.

О, а вот и следующий артефакт. Закрыв портфель, я встал и поднял сидение полки, под которым нашёл большой дорожный чемодан из коричневой кожи. Конечно же, без колёсиков! С одной лишь твёрдой маленькой ручкой. Да уж, Филатов, мог бы и догадаться взять походный рюкзак вместо чемодана, удобней же. Ну ладно, что поделать.

Время ещё оставалось, поэтому я раскрыл металлические защёлки и бегло осмотрел и его тоже. В основном, одежда, несколько книг... Ладно, сильно ворошить не буду пока. Ничего из этого мне сейчас не нужно.

Поезд, наконец, остановился, и, взяв в одну руку портфель, а в другую чемодан, я направился к выходу.

Спрыгнув на перрон, я помог деду-попутчику спуститься вслед за мной. Его чемодан оказался даже больше моего, но он всё равно до последнего пытался отказаться от помощи. Но в Калуге нас поджидал сюрприз. Капал лёгкий дождик, который, однако, успел намочить ступеньки вагона, и я всерьёз опасался, что щупленький дедок со своим огромным багажом попросту поскользнется и переломает все кости. Так что я, не слушая возражений, забрал у него ношу и проконтролировал спуск. То же самое пришлось сделать и для невысокой женщины идущей следом за ним.

К счастью, остальные пассажиры казались достаточно крепкими или не имели таких больших сумок, оставалось только помахать на прощание стесняшке Оленьке и можно идти. Эх, вот ещё один минус возврата в прошлое, телефончик, конечно, стрельнуть можно, но только домашний. И то, если он у неё уже установлен. Но, учитывая её профессию и мой отъезд в деревню, совпасть в графиках и созвониться будет довольно трудно, если вообще возможно. В общем, проводница Оленька, «Мы с тобой прощаемся, и, может быть, навек». Надеюсь, ты не последняя милашка на моём пути.

Вслух я, конечно, этого не сказал, а просто пошёл по перрону прочь от поезда, поглядывая на людей вокруг. Наверняка, Филатова уже кто-то ждёт.

И действительно. Чуть поодаль под двумя зонтами стояли двое. Коренастый мужчина среднего роста и худощавая женщина с пережжёнными волосами, кто-то явно увлекается пергидролем... Мужчина, помимо зонта, держал в руках картонку, на которой гуашью написали мою новую фамилию. Плохая идея в дождливую погоду, даже прикрытая сверху краска уже успела потечь, но, к счастью, оставалась ещё читаемой. Я подошёл к ним.

– Добрый день, товарищи. Я Александр Александрович Филатов, – представился я как можно дружелюбней.

Вблизи я смог рассмотреть их чуть получше. Обоим явно было за сорок. Причём женщине скорее ближе к пятидесяти, хотя, насколько, я мог судить, она старалась молодиться и одевалась вероятнее всего в импортную одежду или сшитую на заказ. По крайней мере короткое пальто с меховой оторочкой и кожаные сапоги-чулки не производили впечатление сделанных в Союзе. Да и я припоминал, что повально в длинных сапогах женщины стали ходить чуть позже, стало быть, тут мы имеем дело с модным первопроходцем.

Первым заговорил мужчина:

– Здравствуйте, тёзка, – он скомкал картонку, переложил её в руку с зонтом и протянул мне правую ладонь, – я Александр Ильич Овчинников. Ваш водитель.

Блин. Пришлось поставить чемодан на мокрый асфальт, чтобы принять его рукопожатие. Счастливо улыбаясь он начал трясти меня за руку и сжимать её гораздо сильнее, чем того требует вежливость. К счастью его энтузиазм быстро закончился, и мне не пришлось участвовать в этой комедии дольше, чем необходимо.

Одновременно с этим представилась и женщина:

– Меня зовут Светлана Валерьевна Жданова. Секретарь Ульяновского райкома и с удовольствием познакомлю вас с вашими будущими избирателями в колхозе. Мы можем поехать сразу туда, либо же, я могу сначала угостить вас горячим чаем и ответить на все возможные вопросы в райкоме.

Что ж, по крайней мере встретили меня радушно. Уже неплохо.

– А долго ехать до колхоза? – решил я уточнить, прежде чем принять решение.

– Около двух часов, – с готовностью ответил Ильич, – дорога до города хорошая, а потом... обычная история. Как и везде.

Да уж, многовато. Горячий чай в такую погоду, конечно, соблазнителен, но лучше не тратить время и обсудить всё по пути. За два часа дороги мы и без чая успеем друг другу надоесть.

– А давайте сразу в колхоз, – стараясь казаться полным энтузиазма молодым чиновником, ответил я, – не терпится увидеть всё своими глазами.

– В колхоз, так в колхоз, – легонько пожала плечами Светлана, но не похоже, что мой ответ её как-то разочаровал.

Да и Александр без лишних слов, подхватил мой чемодан с перрона и поспешил к зданию вокзала. А мы за ним.

Пока мы шли, я перебирал в уме варианты машин, на которых могут меня повезти и в общем даже примерно угадал. На обратной стороне калужского вокзала, который, судя по архитектуре, явно построили ещё во времена царской России, нас поджидал тёмно-зелёный ГАЗ 69 или козлик, вспомнилось, как в моём детстве называл его батя. Козлик был явно не первой свежести, но кто-то его даже успел проапгрейдить. Вместо брезентовой крыши, эта машина имела самодельный металлический верх.

Пока Ильич запихивал мой чемодан в багажник, Светлана села на заднее сидение, и, чтобы не разговаривать с дамой спиной, я решил тоже сесть сзади. Потому что вопросов к ней у меня и правда накопилось много. Но, когда козлик тронулся, секретарь начала говорить сама:

– Честно сказать, сложный у вас будет колхоз. Говорю прямо, как коммунист коммунисту. Я пожал плечами. Её слова меня не сильно удивили. Кому в это время было легко?

– Ничего, – подбодрил я то ли её, то ли себя, – справимся.

Она сдержанно улыбнулась в ответ.

– Вижу, вы товарищ боевой и бойкий. Это хорошо. Но не стесняйтесь обращаться к нам, поможем.

Я кивнул:

– Конечно.

Она удовлетворённо хмыкнула и важно изрекла глубокомысленную банальность:

– Не ошибается только тот, кто ничего не делает.

На секунду я даже завис, не зная, какого ответа она от меня ожидает, но решил перейти к сути:

– Но всё-таки, насчёт сложностей. Есть ли что-то конкретное о чём стоит знать?

Светлана вздохнула и поправила причёску.

– Боюсь, что трудности будут поджидать вас везде. Этот колхоз у нас в области, пожалуй, самый проблемный.

Тут, к моему удивлению, в разговор резко вклинился водитель.

– Чегой это, самый проблемный? – обиженно спросил он, – всё как у всех.

Однако, Светлана спорить, очевидно, не собиралась и быстро его одёрнула:

– Александр Ильич, вы сомневаетесь в моих словах? К сожалению, ваш колхоз действительно выделяется не в лучшую сторону, в том числе дисциплиной. И то, что вы меня сейчас перебили только ещё раз доказывает мои слова. А сейчас, позвольте, мне продолжить.

Последнюю вроде бы вежливую фразу, она произнесла таким холодным и не терпящим возражений тоном, что даже мне стало немного не по себе, что уж говорить о моём тёзке, он знатно стушевался и сумел выдавить из себя лишь какое-то извинительное бормотание. А она как ни в чём не бывало снова повернулась ко мне.

– Есть проблемы с механизацией, семенной фонд слабый, с племенным скотом тоже всё не слава богу, и вообще высокая смертность там среди скота. Ну и дисциплина, конечно, – она снова метнула взгляд в сторону Ильича, – много сигналов по партийной линии было. Надо работать над этим серьёзно. Да и у нас юбилей на носу, это тоже не упускайте из виду.

Юбилей? Надо бы выяснить подробней. Но лучше разужнаю как-то иначе, чтобы не вызывать лишних подозрений у секретаря райкома. Тут лучше наоборот произвести хорошее впечатление понятливого и перспективного товарища. Так что я лишь понимающе кивал и изредка задавал краткие вопросы по оговоренным темам.

Так мы потихоньку выехали из города.

Как меня и предупреждали, асфальт быстро сменился хаотичной дорогой и насладиться живописной поездкой, мягко говоря, стало еще труднее. Козлик то и дело подлетал на кочках, вызывая дикий дискомфорт у пассажиров. Жуткий вчерашний ливень, о котором мне мимоходом рассказал Ильич, оставил после себя яркий след в виде здоровенных луж на нашем пути, Ильич остановился перед одной из них и сказал:

– Вот так с погодой не повезло. Сейчас из луж вылезать не будем. Ну ничего, давай, дорогой, вперёд, – обратился к машине водитель.

Козлик тронулся, и мы плавно погрузились в грязную воду, брызги которой сразу же перемазали все окна в машине.

Возле следующей лужи, хотя скорее целого болота, занявшего приличную часть дороги, Ильич сдал влево, стараясь держаться поближе к берегу, от чего во время езды машину наклонило вбок, и на секунду мне показалось, что сейчас я и вовсе камнем покачусь на Светлану. Ручек в машине не оказалось, поэтому пришлось хвататься за что придётся.

Да уж. Не ценили мы тех дорог, что имели в современных городах. Я вспомнил разговоры былых мужиков с завода, когда каждый второй обсуждал старый асфальт, приговаривая «... две беды: дураки и дороги». Попасть бы этим лодырям сюда для профилактики, ух чую потом и слова плохого про асфальт не скажут! Что поделатъ, такова сущность людей. Быстро привыкаем к хорошему, да еще больше начинаем требовать.

Хотя, если подумать, на таких просёлочных дорогах за пятьдесят лет не особо-то что-то изменилось. Но в семидесятых это ещё извинительно. Да и люди относятся к таким вещам проще, сразу видно. Вот хотя бы сейчас:

– Отлично, большую часть дороги уже преодолели! Скоро будем на месте, – бодро воскликнул Ильич.

От его слов Светлана лишь недовольно покачала головой. Судя по растрепанной причёске женщины, дорога далась ей нелегко и проявления оптимизма она, как минимум, считала неуместными.

Я взглянул в окно и увидел длинные поля, на которых несколько десятков человек занимались тем, что пахали землю. И к моему удивлению делали они это на лошадях.

Зрелище было дикое. Трудно представить, что на пятьдесят третьем году существования советского государства в трехстах километрах от Москвы землю обрабатывают таким способом.

– Александр Ильич, – обратилась Светлана к водителю, – как там дела с трактором обстоят? Есть успехи?

– Да если бы, – усмехнулся мужчина, – боюсь в этом году большую часть земли пахать придётся на тягловых лошадях, коих и так мало осталось, а что-то и вовсе вручную. Тяжело будет, конечно, – грустно выдохнул он.

– А что с трактором? – поинтересовался я.

– С каким именно? – отозвался Ильич, плавно намекая на то, что дела в колхозе действительно обстоят не радужно.

– Светлана Валерьевна, сколько всего тракторов? – обратился к женщине я.

– Всего тракторов ровно десять, но вы сами понимаете, что технику нужно своевременно обслуживать, а некоторые трактора вышли из строя еще во время прошлого посева.

Недоговаривает что-то. Юлит. Задам вопрос по-другому:

– Я вас услышал. А не подскажите сколько из десяти на данный момент находятся в рабочем состоянии?

– С тракторами ситуация немного сложная, – снова уклонилась она от прямого ответа.

В тот же момент Ильич залился смехом и перебил женщину:

– Немного? Я бы вам сказал, да не при женщинах так выражаться!

– Мне хоть кто-нибудь из вас назовет число РАБОЧИХ тракторов? – раздраженно спросил я.

– Три! – хором отозвались они.

Три из десяти. Я вновь окинул поля взглядом. А ведь еще и пахать толком не начинали, но со дня на день...

Так поди и все десять сломаются, и что людям-то делать? На горбу собственном пахать, да с кобылами?

– Неужели починкой некому заняться? – возмутился я, – да как так ситуацию можно было запустить?

– Да я вот тоже так мужикам говорил, – подхватил Ильич, – правда наш главный механик, товарищ Смирнов, оказался бессилен, чёрт пойми, что там из строя вышло, но починить он так и не смог.

– Бывает и такое, когда не хватает деталей на замену или же из-за некоторых серьезных неисправностей техника и вовсе приходит в негодность, – попыталась оправдать механика Светлана.

Мы приближались к одному из тракторов, и Ильич тут же выдал:

– А вот и он! Кондрат Андреевич, собственной персоной!

На скатанном пласте из мокрого прошлогоднего сена, постелив под себя старую фуфайку, восседал мужчина, прямо возле трактора со снятым капотом. Он с большим энтузиазмом что-то рассказывал мужикам, отвлекая тех от работы.

– Этот рабочий? – кивнул в сторону трактора я.

– Об этом мы и говорили, последние несколько дней эта машина больше простаивала чем работала, ну а сейчас видимо всё, – ответила Светлана.

– Ну-ка останови, Ильич! – потребовал я, – Сейчас посмотрим.

Водитель послушно остановил козлика, и я незамедлительно открыл дверь.

– Куда же вы пойдёте-то? Грязищи просто ужас! – возмутилась женщина, взглянув на свою обувь.

Я махнул рукой и, не жалея своих чёрных кожаных туфель, шагнул из автомобиля, прямо в размытое земляное месиво.

По ощущениям показалось, что я передвигаюсь по глине, так или иначе грязь словно засасывала мои туфли.

Я невольно ухмыльнулся. Главное ботинок не потерять, а остальное приложится.

Стоило мне добраться до тропинки, ведущей к трактору, как идти стало заметно легче. Толпа мужиков уставилась на меня, а Светлана то и дело прыгала с одного сидения на другое, пытаясь найти место почище. Женщина попросила водителя сдать немного вбок и всё-таки выбралась из автомобиля.

– День добрый, – обратился к главному механику я.

– Тьфу, москвичи... – ответил он и со всем уважением плюнул мне под ноги, а толпа работяг и вовсе подхватили его высокомерное поведение, подкидывая колкие словечки в мой адрес.

– Вы, так понимаю, Кондрат Андреевич Смирнов, верно? – невозмутимо продолжил я.

– Он самый. Смотрю уже наслышаны, впрочем, оно и неудивительно, – рассмеялся тот мне в ответ.

Взрослый мужик, а такое дерзкое поведение, как у невоспитанного детсадовца. А ведь ему точно за пятьдесят.

– Конечно наслышан. Ваше имя у многих на устах! Механик, который не смог, – улыбнулся я.

Кондрат Андреевич тут же вспрыгнул с сена и подошёл ко мне, злобно прошептав:

– А что ты, москвич вылизанный, умеешь делать? Только языком трепать вас и учат! Напоминаю тебе, ты здесь чужой, и тебе никто не рад!

– К сожалению для вас, я здесь надолго, – лучше сразу развеять его надежды.

Я окинул трактор взглядом. Бесспорно – это ДТ 20, вот только в очень «уставшем» состоянии. У моих будущих подчиненных видимо редкий талант гробить технику раз они довели до такого состояния этот в сущности простой трактор.

– Да сколько таких как ты приезжало, знаешь? И на сколько вас хватает? Прошлый через неделю уже рвался в Москву, чуть ли не на своих двоих дёру дал, но он хотя бы не был сопливом, как ты! – закричал Кондрат.

Стоило Светлане подойти к нам, как горе-механик тут же успокоился, стараясь не проявлять свой бурный нрав.

– А что такое, почему работа стоит? – поинтересовалась женщина.

– Так перерыв на обед же, – ответил за всех Кондрат.

– На обед, говоришь, – посмотрел на небо я, – а как по мне, так еще утро.

– Как же я могу с москвичом спорить, – усмехнулся Кондрат, – вы ведь лучше местных жителей время определить можете. Вот только дождь в расчёт, видать, не берёте.

Я поднёс руку к груди и обнажил часы. В толпе послышалось перешёптывание, а несколько человек так вообще подошли ко мне «поглазеть» на часы.

– Ра-ке-та, – прочитал надпись на часах старичок, – вот так вещь!

– Десять утра и ровно двадцать три минуты. Интересное время для обеда, – уставился на Кондрата я.

– Да кто ты, чтоб нас судить? Лично я здесь с шести утра с трактором разбираюсь и стоило мне присесть на минуту, как тут же очередного москвича привезли, – вновь попытался зацепить меня главный механик.

– Кондрат Андреевич, давайте не будем переходить границы. Всё-таки каждый из нас настроен на совместную работу. Так что насчет трактора, успехи есть? – попыталась сменить тему женщина.

– Увы, еще один с концами потерял! Не хотелось бы вас разочаровывать, товарищ секретарь райкома, но мы здесь бессильны, запас запчастей выбрали до конца, нужно новые заказывать а когда они придут неизвестно – выдохнул Кондрат.

Я вновь окинул трактор взглядом.

Бессильны, говоришь?

Глава 3

– Подождите еще немного, Светлана Валерьевна. Позвольте мне быстро взглянуть на него, – приступая к осмотру трактора сказал я.

– Как вам будет угодно, – ответила женщина и вернулась в машину, я же приступил к осмотру.

Пока я изучал трактор, невольно вспомнилось чем закончилась моя прошлая попытка что-то починить. Я усмехнулся. Главное, в этот раз без смерти обойтись. А то куда меня в следующий раз закинет? К динозаврам?

Я не очень понимал что этот Кондрат не может починить в таком, на самом деле, примитивном тракторе как ДТ 20. У него же простейший одноцилиндровый двигатель да и остальные системы тоже очень простые.

Осмотрев двигатель со всех сторон я спросил Кондрата.

– Что с трактором, какая поломка?

– Не заводится, хоть ты тресни. Стартер крутит а хоть бы хрен, не заводится.

– Топливный насос проверяли?

– А как же, – ответил Кондрат, – все с ним нормально.

Вот только сделал он это с какой-то задержкой что ли. Лучше я сам посмотрю что и как.

Я вывернул контрольную пробку и посмотрел на уровень масла, ах ты старый сукин сын! Масла там было совершенно недостаточно.

– Кондрат Андреевич, – даже как-то ласково сказал я, – какой уровень масла должен быть в топливном насосе?

И видя что тот мнетя с ноги на ногу и что-то бурчит себе под нос я ответил за него:

– Уровень масла должен совпадать с уровнем нижней кромки контрольного отверстия.

Я этого не вижу.

– Ой, да в чём проблема, Сан Саныч, – послышался голос моего водителя, сейчас зальём, тут делов на пять минут.

– А ну стоять! – громко окликнул я его, – никто ничего заливать не будет пока я не скажу. Кондрат Андреевич, вы получаете не проводили тех. обслуживание топливного насоса. Если бы вы его сделали, то уровень масла был бы в норме.

– Да я не должен вам ничего объяснять, – ответил он.

– Пока нет, – согласился я, и тут же добавил, – снимайте топливный насос.

– Что, прямо здесь, – Кондрат развел руками как бы показывая всю несуразность моих слов.

– Да, здесь. Раз уж вы не удосужились это сделать, когда отправляли трактор в поле, будете делать это здесь и сейчас.

Наверное он бы меня послал, но Светлана, очевидно услышала нашу перебранку и выйдя из машины подошла к нам. Под пристальным взглядом партийного начальства этот горе-механик решил дальше не спорить и приступил к делу.

Не один конечно, а вместе со мной. В результате примерно через час причина поломки была ясна.

Всего-то надо было промыть насос, правильно поставить его на место и долить масло.

Когда мы это сделали то трактор, под одобрительные крики колхозников завелся и принялся радовать окрестности характерными выстрелами из выхлопной трубы.

– Вот так вот, довольно сказал я протирая руки ветошью, – как видите, Кондрат Андреевич, надо было всего лишь свою работу делать как следует, а не заниматься вместо этого херней. Работайте, товарищи, – а это уже было обращение ко всем остальным.

С чувством выполненного долга я сел в машину, и сказал водителю трогать.

Мы подъехали к единственному каменному зданию на улице, а может и во всей деревне. Но даже так, выглядело оно, мягко сказать, не эстетично, а, если серьёзно, то эта была самая настоящая обшарпанная развалюха. Построить то его построили, но на облицовку, видимо, денег уже не хватило.

Внутри заходить не хотелось, слишком уж ненадёжной казалась конструкция, но, глядя на то, как уверенно Ильич исчезает за трухлявой дверью, а за ним ныряет и Светлана, я всё-таки решил рискнуть.

Стоит сказать, внутри дела обстояли чуть лучше. Потолок побелен и стены снизу окрашены в голубой цвет. Прямо до боли знакомое оформление муниципальных учреждений. Кажется, похожее было у меня в школе. Я даже почти приободрился. Не всё так плохо! Однако, долго радоваться не получилось. Светлана обернулась и предупредила:

– Конечно, здание местного правления большей частью пустое и неблагоустроенное. Но есть пара вполне приличных и готовых к эксплуатации комнат...

Кажется, она хотела что-то договорить, но не успела. Её прервал зычный окрик Ильича: – Аллочка, а вот и мы! Гости к вам!

Светлана смирив его презрительным взглядом, дав понять, что не одобряет такое панибратство, и мы вошли в одно из, видимо, тех самых жилых помещений. Но богатым убранством, они похвастаться, конечно, не могли. Кроме пары столов здесь толком ничего и не было. На одном из них стояла старая пишущая машинка. А за вторым, полностью скрытым под всякими бумажками, тетрадками и бог знает, чем ещё, читала книгу полноватая женщина лет пятидесяти с собранными в косу тёмными волосами. Она перевела на нас полный скуки взгляд и, зевнув, лениво выпалила:

– Чего орёшь? Ушла Алла с Андрюшкой клуб проверять.

– Опять он здесь ошивался? – раздражённо спросил Ильич.

– А чего б нет? Это ты постыдился бы, старый, за девкой молодой бегать.

– Мне всего сорок три, – обиженно выпалил он.

Светлане вся эта история очевидно надоела, и она вмешалась:

– Так. Может хватит препираться? Лариса Ивановна, знакомьтесь, это Филатов Александр Александрович, ваш будущий начальник.

– Будем знакомы, – без всякого энтузиазма кивнула Лариса, – я тут бухгалтер, если что.

Она хотела снова погрузиться в книжку, но Светлана не позволила:

– Вы уже начали созывать людей на собрание?

– Так я ж сказала, Алла с Андрюшей клуб пошли расконсервировать, а Данька мой с другими ребятами согласился ко всем забежать, так что небось уже подтягиваются люди к клубу-то.

Обилие новых имён уже начинало напрягать, потому что кто они все, я понятия не имел. Но, боюсь, на собрании и после него станет ещё хуже. Сегодня со многими предстоит познакомиться. Блокнот бы хоть раздобыть какой... Надо покопаться в чемодане, наверняка, там что-то есть. Иначе, боюсь, будет совсем тяжко.

– Ну что ж, тогда поехали в клуб, – скомандовала Жданова, и мы снова пошли к машине.

– Алла Юрьевна – это местный секретарь комсомольской организации. Ну и секретарь-машинист, конечно. Способная девушка, – решила пояснить Светлана, пока мы ехали на другой конец деревни.

Я кивнул, а сам поглядывал по сторонам, но не видел ничего, что могло бы порадовать глаз и вселить оптимизм. Деревня очень бедная, прямо больно смотреть. Почти все избы кривые, косые, с облупленной краской или вообще без неё. Не удивлюсь, если часть этих домишек ещё нашествие немцев видела...

О! Колодец.

– Ильич, тормозни! – попросил я его.

– Зачем? – поинтересовался он, но всё-таки остановился.

Я кратко объяснил, что хочу ополоснуть ботинки и нижнюю часть брюк. Всё-таки на поле я здорово измазался. А к выборам председателя хотелось бы выглядеть представительней. Хотя, может и стоило остаться ближе к народу. Показать людям, что я, так сказать, приобщился к их родной деревенской земле... но нет. Как-то самому так не очень комфортно.

Ну вот. Другое дело! Восстановив опрятный вид, я снова залез в козлика, и мы быстро добрались до места.

Деревенский клуб выглядел не хуже и не лучше других зданий поблизости. То есть также отвратительно. Но возле него стояло несколько самых простецких лавочек, но, видимо, даже этого хватило, чтобы привлекать сюда местных. Об этом красноречиво говорила внушительная гора окурков, которые сметала в кучу светловолосая девушка с милым типично славянским личиком. Все её черты казались мягкими и чуть округлыми, начиная от больших голубых глаз, заканчивая румяными щёчками.

– Аллочка! Вот мы тебя и нашли, – расцвёл Ильич, как молодой сайгак, выпрыгнувший из машины.

– Здравствуйте, – она обвела нас всех внимательным взглядом, задержала его на мне и улыбнулась.

Мне тоже захотелось улыбнуться в ответ. Что я и сделал, тоже представившись. Алла моментально располагала к себе, понятно, чего Ильич так вытанцовывает.

– Всё в порядке? – перешла к делу Светлана, кивая на открытую дверь в клуб.

– Если честно... не очень, – смутилась девушка, – Андрей пытается понять можно ли что-то сделать, а мне заходить не разрешил даже. Бойтся, что там всё обвалится. Кажется, здание последний раз использовали, когда я в город на учёбу уезжала...

– Да что он понимает! – не удержался от подначки Ильич, – Зелёный совсем ещё! Лучше сам проверю.

Он расправил плечи и решительно направился к двери. Но войти не успел. Навстречу ему весь в пыли вывалился молодой парнишка максимум лет двадцати.

– Там часть перекрытий рухнула и залы завалило, здарсьте. – выпалил он на одном дыхании.

Я и без этого не больно-то хотел туда идти, услышав, как давно здание простаивает. А теперь, когда точно узнал, как обстоят дела, и вовсе приуныл. Что-то мне подсказывает, что большую часть зданий тут проще снести, чем отремонтировать. Хотя, может это и к лучшему. Отстроим заново!

– А где люди? Почему до сих пор не начали собираться? – посмотрев по сторонам, спросила Жданова.

– Ой, – всплеснула руками Аллочка, – так я Даньке сказала, что через час собираемся... мы вас позже ждали...

Светлана скорчила недовольную мину, но ничего не сказала. А Ильич сразу начал успокаивать Аллу:

– Да всё правильно. По таким размытым дорогам, мы могли и через три часа приехать. Да и вообще, пусть люди соберутся спокойно, без спешки...

– Да вы вообще никуда не торопитесь, – процедила Жданова, – и на собрание, и план выполнять.

Ильич пожал плечами и снова начал ворковать с Аллой. Также как и подошедший к нам Андрей, после того как представился. Мне это всё напоминало брачные танцы старого и молодого павлинов. А девушка и сама не дура, глазки строила обоим, да ещё и на меня поглядывать успевала.

– Ну вы понимаете, с кем приходится иметь дело, – тяжело вздохнула Светлана, очевидно, устав выбирать выражения и делать вид, что всё не так плохо, – признаюсь, я давно не бывала здесь лично. Обычно Лариса сообщает мне, если есть важные новости, но у меня куча других дел, а в колхозе давно не хватает сильной руки.

– Ничего. Это дело поправимое, – улыбнулся я.

– Надеюсь на это. Жаль, конечно, что клуб в таком негодном состоянии, когда у нас Юбилей Владимира Ильича Ленина на носу. Сто лет – это вам не шутки. Вы же понимаете, что в любом случае надо отметить? Может хоть это вдохновит колхозников на трудовые подвиги. Честно говоря, я и не помню, когда в последний раз этот колхоз выполнял план по молоку и мясу. Худо бедно вытягивают по зерну и овощам и ладно.

А. Так вот о каком юбилее она говорила на перроне. Да, для советских времён это и впрямь крупный праздник. Подфартило, конечно. Сейчас бы вместо посевной заниматься организацией утренника. Надеюсь, они хоть что-то сами приготовили. Надо будет спросить потом с Аллы, раз она здесь за это отвечает. Секретарь ком. партии как-никак.

Тем временем, постепенно начали собираться люди. Не знаю каким образом, но, похоже, что каждый из них уже знал о том, что я починил трактор на полях. Однако, большинству из них это дружелюбия не прибавило. Представившись они собирались в группки и держались поодаль, ожидая начала собрания. Думаю, им, как и мне, хотелось поскорее покончить с формальностями и разойтись по своим делам.

Постепенно народу собралось всё больше. Я увидел уже даже знакомые лица вернувшихся с полей работников. И вот уже десятки людей галдели о чём-то своём перед клубом, и по шуму это место стало напоминать какой-то базар.

Внезапно наш разговор со Светланой прервала пожилая семейная пара. Обоим лет по пятьдесят. И оба почему-то выглядят очень злобно.

Буркнув что-то типа приветствия, мужчина сразу обратился к Ждановой:

– Очень неприятный сюрприз. Я ждал этого назначения уже десять лет! И точно больше его заслужил, чем этот мальчишка.

– Он здесь даже не жил никогда! – поддакнула женщина.

Светлана вздохнула и развела руками:

– Для этого и придуманы выборы. Колхозники всё решат.

Мужчина явно хотел сказать ещё что-то, но сдержался и, злобно на меня зыркнув, отошёл подальше вместе со своей подругой.

– Кто это? – спросил я у Ждановой.

– Елин с женой. Метит в кресло председателя уже много лет, но каждый раз что-то не складывается... – она понизила голос, – но знаете, может, оно и к лучшему. Трудный он человек.

Я хотел разузнать подробности, но Светлана быстро сменила тему, да и собрание пора было начинать.

Она похлопала в ладоши, привлекая внимание, и, когда все нас окружили, начала речь, перечисляя мои предположительные достоинства из-за которых сама Москва предложила меня на должность председателя. В этот момент в толпе послышались смешки, а какая-то женщина засмеялась в полный голос и не постеснялась громко выкрикнуть: «да это ссылка, явно!», послышались и другие смешки.

Тут подала голос жена Елина:

– Товарищи! Да зачем же вообще нам москвич? Да ещё и молодой. Может пусть сначала обживётся здесь, прежде чем на должность претендовать? А нет, так пускай обратно скачет!

– Клавдия Петровна! – строго одёрнула её Светлана, – если вы сомневаетесь в правильности рекомендаций высшего руководства, то можете выразить это в голосовании. А сейчас

поднимите руки все, кто за то, чтобы Александр Александрович Филатов стал председателем колхоза!

По лицам в толпе, я видел, что большинству из них всё равно. Часть людей, не особо задумываясь, уже потянула руки вверх. А какой-то мужик даже высказался:

– Москвич или нет, а трактор сходу починил, может и будет толк.

Постепенно рук становилось всё больше. Люди переговаривались в ключе: ну надо так надо. И очень скоро только Елин с женой и ещё пара человек не изъявили желания видеть меня председателем. Но, ловя на себе осуждающие взгляды колхозников, которым никуда не сдалось затянувшееся голосование, да и вообще от коллектива отбиваться коммунистам как-то не пристало, они всё-таки сдались и тоже подняли руки. Недовольные до ужаса, но подняли.

– Единогласно, – подвела итог Светлана, – Александр Александрович, принимайте назначение, – улыбнулась она уже мне, а народ начал постепенно расходиться.

После собрания меня привели к захудалому деревянному дому, который теперь должен был стать моим.

Первое что бросилось в лицо, так это полусгнивший забор, половина которого упала на землю, а другая его часть всё ещё благородно держалась, шатаясь от малейшего дуновения ветра. Хорошее начало. Я прошёлся взглядом по желто-зеленой траве, что росла практически по всей территории вокруг дома.

Косить траву? Нет, здесь о таком видать и не слышали. Хотя, чего это я, кто знает сколько лет хозяин отсутствует.

Я взглянул на потрескавшуюся от времени синюю краску дома и спросил:

– Смотрю совсем забросили, а ведь домишко-то неплохой. Что с хозяином случилось?

– Что-что? – переспросил Ильич, пытаюсь реабилитировать забор.

– Что с хозяином произошло, говорю, – повторил свой вопрос, но в этот раз громче.

– А, это, – Ильич поднял забор и попытался воткнуть мокрые доски в землю, – Чёрт его знает! Здесь таких домов куча, всех хозяев и не упомнишь.

Я ещё раз окинул дом взглядом.

Конечно видно, что время берёт своё, но подлатать к зиме можно.

Где-то возле Ильича раздался громкий треск. Я обернулся и увидел, как упала часть забора, которую неумеха пытался вновь вставить в землю. Правда на этот раз на земле оказался весь забор целиком по левому краю дома. Иными словами, Ильич лишь доломал его.

Вот так медвежья услуга. Эх, ладно. Всё равно большая часть досок гнилая, так и так придётся менять.

– Ладно, не так важно, как дом снаружи выглядит, главное, чтобы внутри всё целое было, – я попытался настроиться на оптимистичный лад.

Я сделал несколько шагов в сторону дома, но старая помятая трава, перемешанная с грязью, предательски цеплялась за обувь, словно не желая впускать меня внутрь.

Ильич же дождался пока я пройду первый, а затем последовал по уже протоптанной дорожке до входа в дом.

Я поднялся по двум ступенькам и приготовился было открыть дверь, как почувствовал что-то колющее на ноге. Ну конечно, как же без этого?

Вся штанина сзади оказалась усеяна колючками, а ведь я уже и забыл, чем обычно заканчиваются походы через заросли травы. Чтобы не нести их домой, мне пришлось сначала почистить свою одежду, а затем заставить Ильича сделать тоже самое. Не хватало ещё домой их занести! Будет потом где-то колоть всю ночь.

Мы открыли скрипучую дверь и зашли в тамбур. Я взглянул на кривой пол, понимая, что сгнил здесь не только забор. Передвигаясь медленными шагами, я то и дело проверял пол на прочность, а Ильич по своим лучшим традициям двинулся следом.

Случилось то, чего я так и боялся. Доски в тамбуре придётся менять полностью, если однажды ночью не захочу провалиться в пол.

Лишь бы внутри всё оказалось цело!

Я открыл следующую дверь и сразу попал в комнату с небольшой кроватью, в центре которой находилась белая от побелки печь. Вернее, когда-то она была белая, а сейчас сильно почернела от золы, но задумку хозяина я уловил.

Главное, что привлекло моё внимание – это невероятно сильный запах сырости вперемешку с плесенью. Интересно, это от грибка доски гниют или у запаха другой источник? Моя мать всегда говорила, что нельзя в таких помещениях жить. Ходили слухи, что закончить можно страшной болезнью, а значит ещё одна проблема – избавиться от бессмертного грибка.

Насколько я помню, ученые даже в космос эту заразу отправляли, вот только после двух лет плесень не то что выжила, а умудрилась даже мутировать в более агрессивный вид, да что уж тут говорить, даже в Чернобыльской АЭС она умудрилась выжить!

Я внимательно осмотрел стены и увидел чёрный мох в одном из углов.

Прекрасно.

Пол в основной комнате оказался получше, чем в тамбуре, но всё равно местами подгнивал. Если бы не эти два недостатка, то дом был бы вполне себе уютным.

Возле кровати стоял коричневый комод, а пыльный ковёр украшал стену над ним. Я прошёл в следующую комнату, а оказалась она небольшой кухонькой, правда лучше бы я туда и не заходил вовсе...

Не знаю что напугало меня больше – перебитая посуда на полу или же запах помойного ведра, стоящего прямо под умывальником.

Дом мне достался не из лучших, но и за это спасибо. Я прошёлся ещё раз по всем комнатам и прикидывал в голове сколько месяцев уйдёт на полноценный ремонт.

Чего только стоит пол заменить, а ведь вещи перетаскивать придётся!

С другой стороны, буду делом заниматься, а не за телевизором жить. Благо тело молодое, с таким всё возможно!

О канализации можно и не мечтать. Туалет деревянный на улице, а воду приносить из ближайшего колодца, до которого пешком минут двадцать идти. Я покосился на грязный тазик... ну уж нет! Надо бы баньку до зимы соорудить, а пока тепло, то помыться можно будет и на улице!

С осмотром дома мы быстро закончили, а затем поспешно вышли на улицу. Ильич хотел ещё осмотреть кусок земли за домом, отведённый под огород, но из-за нескончаемых сорняков, что уже не один год здесь росли, мужик быстро передумал.

– О, дык смотри. Вот туалет ещё! Выглядит достаточно неплохо, – указал пальцем на тёмный деревянный туалет он.

– Тут можно не переживать, сам разберусь, – рассмеялся я, вот только Ильича мои слова не остановили.

Мужчина направился к туалету, желая осмотреть и его. Он попробовал открыть дверь, но ты ни в какую не поддавалась.

– Да что это такое? – почесал голову он.

Я подошёл следом и действительно, дверь словно оказалась заперта изнутри. Что-что, а лишиться туалета – это удар ниже пояса!

– Нет, ну, Сан Саныч... ты конечно извини, но здесь дело принципа! – закатал рукава мужик.

Он несколько раз ударил дверь туалета, но той хоть бы что.

– Да ладно тебе, Ильич. Разберусь! – отмахнулся я.

– Сейчас всё будет! – заверил мужик, – У меня такое бывало однажды зимой. Может от ветра дверь сильно билась, да защёлка невольно захлопнулась!

Я ненадолго отвернулся в сторону огорода, а когда посмотрел на Ильича, то оказалось уже слишком поздно...

В тот же момент мужик разогнулся и со всей скорости вмазал ногой по двери туалета, от чего весь деревянный каркас с хрустом отлетел в сторону, оставив на своём месте лишь дырку в земле.

Ильич виновато уставился на меня, но продолжал сохранять оптимизм:

– Ой, ну тут доски гнилые уже, любому понятно будет. Но кто же знал, что настолько? Главное доступ к туалету теперь уже есть!

Этого мне ещё не хватало. Сейчас бы выходить в туалет и сверкать задницей у всей деревни на виду! Ох, Ильич...

После очередной выходки я сделал глубокий вдох и попрощался с недотёпой по-доброму. Ругань мне здесь ни к чему, он же не виноват, что ума недалекого. Мужик попробовал возразить, предложив мне свою помощь, от которой я поспешил отказаться. Кто его знает, что он ещё здесь сломает?

Я взглянул на остатки досок, что когда-то служили каркасом и грустно вздохнул. Они действительно уже частично начали гнить, но туалет простоял бы год точно, а то и два. А теперь уже поломанный каркас оказался совсем непригодным.

Длительная дорога заметно вымотала меня, сил заниматься домом сегодня уж точно не было. Впрочем, как и топить печь, ведь все доски, что я нашёл, оказались влажными после недавнего ливня. Ночью пришлось укрываться двумя одеялами. Я бы взял и больше, да вот только не нашёл. Благо сейчас весна, а значит холода совсем скоро отступят. Надеюсь завтра солнечная погода будет, пойду по дрова да на солнце их выложу. Пусть сушатся.

Разбудил меня сильный шум на улице. Я посмотрел в окно – темно и ничего не видно, а шум тем временем становился всё сильнее и сильнее. Я схватил кочергу, что стояла возле печки и направился на шум.

Кто-то истошно долбил в дверь.

Глава 4

Да кого там принесло в столь поздний час?

Вооружившись толстой железной кочергой, я пробирался через непроглядную темноту к двери. Стук превратился в настойчивые попытки выломать и без того хлипкую защёлку.

– Кто там и что вам нужно? – желая уговорить ночного гостя выкрикнул я.

Шум затих, но этот кто-то всё ещё стоял за дверью.

– Мне ещё раз повторить? – мой требовательный голос раздался эхом по всей комнате.

– Это я! Николай! Открывай дверь, – ответил гость.

– Не знаю я таких! Что ты здесь забыл ночью? Случилось чего? – от резкого пробуждения мозг с трудом соображал.

Раздался ещё один мощный удар в дверь, после чего мужчина за дверью закричал:

– Это мой дом! Да как ты посмел туда вломиться, а ну открывай! Даю тебе шанс сделать это по-хорошему!

Нашупав в темноте выключатель, я нажал на него, и комната озарилась светом.

– Твой дом? – удивился я, ведь как меня заверяли, этот дом заброшен. Да и что тут говорить, я сам своими глазами видел весь хаос.

– Мой! Конечно мой! Открывай, поговорим, – голос немного успокоился.

Я поднял защёлку вверх, и светловолосый мужчина средних лет зашёл внутрь, вот только сразу после этого он метнулся с разъяренными глазами в мою сторону. Ему хватило ровно одного мощного удара кочергой по коленке, чтобы рухнуть камнем на пол.

– Ты что творишь! – сделал ему замечание я, – кидаться на людей, даже не разобравшись во всём? Перед тобой, между прочим, председатель!

Я замахнулся кочергой, от чего мужчина со страхом прикрыл лицо руками. Бить его не хотел, только лишь слегка припугнуть, дабы утихомирить.

– Председатель? – глаза мужика округлились, – Прошу прощения, мне и правда стоило сначала разобраться во всём.

– Впредь ведите себя сдержанней! Так, для начала, меня зовут Александр Александрович! Приятно познакомиться, Николай. Как вас по батюшке? – Кочерга все ещё грозно нависала над ним, – Я совсем недавно приехал, а дом мне выдали. Ты уж конечно извини за вторжение, но как меня уверяли, он пустует уже давно. Как это объяснишь?

Николай недовольно покосился в мою сторону и виновато опустил голову, словно не желая рассказывать о случившемся. Вот только выбора особо не было.

– Павлович я, но по имени как-то привычней. Летом считай в одних портках уехал отсюда, а потом золото я мыл на северах, сейчас чай не старое время, из колхоза уйти можно, паспорт есть, – он похлопал ладонью по карману выдавших виды брюк, – деньги в руках водились бешеные.

– Что-то не очень ты похож на богача, – со скептицизмом заметил я.

Вид у него и правда был не презентабельный, замызганная куртка из брезента с потрёпанными рукавами, из под неё выглядывал грязный свитер, старые брюки и донельзя грязные ботинки с веревками вместо шнурков.

– Да ты, председатель, не смотри на одежду, а дослушай. Я после нового года в Калугу приехал, а там на вокзале с бабой познакомился. Ну и завертелось, сам понимаешь. Крутились-мотались, кабаки, шмотки стерве этой рыжей покупал. Ну и денежки-то тю-тю. А как карман дно показал, так она меня и выперла.

– А с одеждой что? Ты как будто пешком с Калуги добирался. Утра подождать не мог?

– Да я бы дождался, конечно, дык её муж вернулся! Приехал с вахты под ночь прям, Представляешь? Я-то сильный, сам видишь, – я посмотрел на хлипкого мужика, но утверди-

тельно кивнул, чтобы дослушать историю до конца, – Вот только он за топор сразу схватился, а мы с бабой и без того уже так ругались каждый день, что она даже останавливать его не стала! Как попёр на меня, дык пришлось в чём был из её квартиры сматываться, – он тяжело вздохнул, – и что-то мне так противно стало и от неё, и от города этого... что понятно стало, пора до дому до хаты. Ты извини, если что. Вернулся в свой дом, а дверь заперта, дык ещё и внутри кто-то поселился. Немного вспылil, – раскаялся Николай, – спасибо, что приглядел за домом, дальше я сам.

– Дальше ты сам? Извини, конечно, но этот дом выдали мне, – перспектива провести всю ночь на улице меня не радовала, да и к кому пойти я не знал.

– Но он мой! – намертво вцепился мужик.

Конфликт хотелось всё же решить мирным путём. Мы уселись за скрипучий стол, Коля осмотрелся и сказал:– А что мы на сухую сидим? Председатель, может давай того, накатим по маленькой?

– Это ты, Коля, перекажи-поле, сегодня здесь, а завтра там. А на мне целый колхоз и две сотни его работников. Какая уж тут водка? Нет, если хочешь, то пожалуйста, но без меня.

– Одну минутку, – оживился мой нечаянный гость и выбежал за дверь.

Через минуту, если не меньше, он снова появился в доме держа в руке сумку, из которой на свет появилась хорошо мне знакомая бутылка столичной, два девяноста пять без стоимости посуды, если мне не изменяет память.

Коля поставил бутылку на стол и огляделся. Недовольно хмыкнув он снова убежал на улицу и вскоре нарисовался с трехлитровой банкой квашеной капусты.

– Вот, – довольно сказал он, – в погребе нашёл. Тёща бывшая делала. А она в этом деле мастер была, да.

Затем рядом с бутылкой появился гранёный стакан, а Коля после того как залпом выпил грамм сто и грязными пальцами отправил в рот капусту, снова не удержался от воспоминаний о своей роковухе:

– Хороша баба, ничего тут не скажешь! С формами ухх! Всё при ней, Александр Александрович, – он ударил кулаком по столу, – но ведь пустила меня по ветру. Были денежки и нет их, а ведь хотел домой вернуться в начале января.

– Но вернулся весной, – с улыбкой заметил я, ожидая продолжения истории.

– Это да, но теперь то я дома. А дома и солома едома.

Он, конечно, прав. Дом принадлежит ему, несмотря на длительное отсутствие. Даже в этой ситуации есть плюс – как говорил Ильич, в деревне ещё много опустевших домов, а значит есть шанс найти вариант получше. С Николаем мы договорились перенести все жилищные вопросы на утро, а то за разговором время и без того быстро пролетело. Мужик со мной согласился, но у нас появилась новая проблема. Так получилось, что спальное место только одно. На полу спать не вариант – уж слишком сильно дуло из щелей, а кроме ещё одного одеяла мы ничего не нашли.

Я посмотрел на печь.

Нет, слишком мало места, да и не спят на таких. Это же не русская печь в конце концов. Мебели скудно, ничего даже соорудить временного не сможем. Куда уложить ночного гостя я не знал.

– Эх, чёрт с ним! – махнул мужик рукой, – укутаюсь в одеяло, да посплю на стуле. Раньше частенько так засыпал, облокотившись о стол. Да и сколько там времени осталось до рассвета? Часа три, не больше.

Так и порешали.

Николай уселся за стол и используя вещи из комода соорудил подобие подушки. Я выключил свет и незаметно для него поставил кочергу возле своей кровати. Мало ли что в голову взбредёт.

Кое-как, пережив ночь я проснулся. Мой ночной гость всё ещё храпел, и будить его я не стал. Ещё раз окинув взглядом дом, я снова подумал о том, что найти жилище получше или хотя бы не хуже не должно стать такой уж сложной задачей. Но в любом случае, хорошо, что сейчас весна. Если попадётся какая-то развалюха, то хоть подлатать её к зиме должен успеть.

Я двинулся к колодцу, где умылся водой из него и ей же и напился, отстояв перед этим небольшую очередь, в которой каждый второй норовил меня похлопать по плечу и пожелать удачи. Надеюсь, работать они будут с таким же энтузиазмом.

Вчера вечером я попросил Ильича заехать за мной пораньше, так как ближайшие пару дней мне явно придётся много ездить по колхозу и знакомиться с хозяйством, но пока что он не торопился на работу, хотя, правды ради, я сам не сказал, что меня надо забрать прямо из дома. Ладно, может быть к администрации подъедет, а я пока и сам доберусь. Заодно ещё раз внимательно осмотрю деревню. Хотя смотреть, конечно, особо не на что. Большая часть домов находилась в том же или даже худшем состоянии, что и изба, в которую меня заселили. Хотя парочка строений выглядела на фоне остальных вполне сносно. Свежее дерево, краска... интересно, кому они принадлежат?

Однако, несмотря на общее запустение, жизнь в деревне вполне кипела. Кто-то занимался хозяйством у себя в огороде, другие спешили куда-то, очень надеюсь, что по колхозным делам. Ну а я потихоньку добрался до здания администрации.

К моему разочарованию, Ильича с козликом там ещё не было. Был только его четвероногий эквивалент лениво пощипывающий травку в огороде одного из домов. Увы, не тот, что мне нужен.

И во сколько мой водила думает, что надо выходить на работу? Придётся уже с самого начала проводить воспитательные беседы.

Ладно, надеюсь хоть бухгалтер с секретарём на месте. Я вошёл в их рабочую комнату и почти сразу же услышал:

– Доброе утро, товарищ председатель! Как вам спалось на новом месте?

Алла тепло улыбалась, и я и сам не заметил, как в ответ расплылся в улыбке.

– Доброе утро, – присоединилась к ней Лариса Ивановна, отрывая взгляд от кроссворда.

– Спалось сносно... – ответил я, хотя на языке вертелись словечки покрепче, – кстати об этом, тут ваш Коля Сидоров вернулся. Знаете такого?

Аллочка покачала головой, а бухгалтер наоборот оживилась:

– Колька? Да ладно! Он ещё с прошлого лета пропал, думали сгинул, похоронили уж в мыслях. Тело то не нашли. И участковый искал, и мужики наши так, по возможности. Колька ж в лес углубляться любил, а там мин битком набито ещё с войны. А вы то его как встретили?

Я поделился с ними ночной историей, и Лариса протянула:

– Да... нехорошо вышло с домом, конечно. Но может и к лучшему, а? Обжиться ещё не успели. Не жалко съезжать будет.

Я вспомнил все недостатки предложенной мне халупы и не мог не согласиться. Совсем не жалко. Одна надежда, что это был не лучший из свободных домов.

А Лариса не удержалась от ещё парочки удивлённо-возмущённых комментариев:

– Ну, Колька! Во, даёт! Что за петух его клюнул! Даже с соседями не попрощался!

Я только пожал плечами и спросил, что насчёт других вариантов для заселения.

– Если хотите, я к вечеру узнаю о всех свободных в деревне участках и отдам вам список, – с готовностью предложила Алла.

Я сразу же согласился. Было бы неплохо. Самому тратить на это время точно не хотелось, у меня и без того дел полон рот. Только, где, блин, Ильич? По плану он меня сегодня должен везде возить, но всё ещё задерживается.

Алла не теряя времени ушла смотреть дома, а я остался с Ларисой Ивановной и решил пока обсудить с ней вопросы финансирования.

– Ну... мы тут не шикуюем, – уклончиво начала рассказывать она, – но все документы у меня в порядке, если посмотреть хотите.

Разумеется, я попросил весь учёт и, погрузившись в чтение, понял, что представление о порядке у неё весьма своеобразное. Я лично не понял вообще нихрена, и не только из-за почерка как у врача со стажем, но и потому что учёт вёлся хоть и в хронологическом порядке, но всё равно как-то через жопу. Не, без её пояснений, я тут не разберусь.

Но, кажется, придётся заняться этим потом. Я наконец-то услышал шум мотора за окном, цифры и документы это, конечно, важно, но важнее увидеть, как в колхозе обстоят дела вживую. Поэтому я попрощался с Ларисой и вышел к опоздавшему водителю.

– Я рассчитывал, что вы появитесь раньше, – начал я сразу после приветствия.

Ильич нисколько не смутился:

– Да тут такое дело... мы ж считай без председателя уже месяц, да и вообще в последнее время ездить толком никуда не приходилось, отвык я каждый день так рано вставать, – в подтверждение своих слов он ещё и широко зевнул.

– Рано? Сейчас почти восемь часов. Девушки, – я кивнул в сторону здания администрации, – уже с семи утра на месте, и я ещё молчу про рабочих на полях, по-хорошему они там с шести пашут.

– Вот в последнем я не уверен, – Ильич ещё раз зевнул, – кто-то может и пашет, но явно не все.

– Ладно, проверим. За этим председатель и нужен, чтобы порядок везде был. А ты, давай, тоже не расслабляйся. Работы много будет. Поехали в цех, тракторы смотреть.

Я сел на переднее сидение, и мы тронулись. Я решил пока сильно не наезжать на водилу, первый день всё-таки, так что дам ему шанс. Хотя, возможно, проще было бы самому ездить. Жаль только, что водительских прав я в документах у Филатова не нашёл. Сам то я всю жизнь, считай, за рулём прокатался, но тут надо бы сначала формальности уладить, на права сдать.

Почти всю дорогу до цеха Ильич зевал, хорошо хоть тут врезаться некуда было, как и некого сбить. Так что доехали мы без приключений. Ангар для тракторов снаружи казался не слишком большим, что неудивительно, их ведь всего десять штук. Когда мы вошли внутрь, я увидел, что помещение условно разбито на две части. Одна – это собственно гараж, где сейчас стояли сломанные семь машин. А другая – зона ремонта, с примитивным подъёмником, шкафчиками для инструментов и столом для механиков, за которым они сейчас сидели и играли в карты.

Всего здесь было трое мужиков. Один из них уже знакомый мне Кондрат, не сумевший справиться с простейшей поломкой, а вот двое других, помладше, пока представляли собой загадку, надеюсь хоть один из них способный и обучаемый, иначе, боюсь, вся работа по починке техники ляжет на меня.

Заметив нас, мужики начали здороваться, правда, едва отрывая взгляды от карт.

– Разве сейчас перерыв? – не удержался я.

Не хочется быть вечно злобным ворчливым начальником, но блин, если я не заставлю их работать и уважать меня сразу же, то ничего хорошего из этого председательства не выйдет.

Механики переглянулись, а ответил, ожидаемо, Кондрат:

– Ну а что? Я кажись вчера говорил, что запчастей нет, ничего сделать всё равно не можем.

– Говорил, – согласился я, – а потом оказалось, что вчерашняя поломка вполне поддавалась починке.

Он только развёл руками, но в бутылку уже не полез. Хотя бы так.

– Ладно. А список необходимых запчастей вы составили?

– Так, а зачем? Никто не просил.

Да... трудно будет.

– Ладно, пошли расскажешь мне про каждый трактор и что с ним случилось.

– Так вы ж и сами разберётесь, не? – буркнул он.

– Пошли, – с нажимом ответил я.

Так то он прав, конечно. Вряд ли мне понадобится его помощь, чтобы понять, что не так с тракторами, но надо же проверить насколько он бесполезен или может хоть что-то понимает.

И мы пошли в наш небольшой обход, который затянулся на четыре с лишним часа. Я ещё раз убедился, что Кондрат дуб дубом. Что-то по верхам понимает, но чуть копнуть и всё, приехали. Даже странно, что среди советских механиков есть такие кадры. Пришлось буквально с нуля самому устанавливать причины поломок у всех семи тракторов. Правды ради, некоторые из них действительно были с подковыркой, даже мне пришлось провозиться, чтобы точно выявить проблему.

Но, наконец, дело сделано. Пару тракторов я сумел поставить на ноги подручными средствами, но для остальных действительно нужны запчасти, список которых я тоже составил. Ещё б придумать, где взять профессиональных механиков. Но ладно, всё будет, просто не сразу.

Пока мы копались в тракторах, Ильич присоединился к двум младшим механикам – картёжникам. Наверное, надо было их тоже заставить с нами работать, но боюсь, мы бы тогда вообще до вечера провозились. И так пришлось то и дело одёргивать Кондрата, пока он огрызнулся и фыркал.

Я попрощался с механиками и кивнул водиле:

– Поехали.

Ну, начинается. Кажется, из-за стола он вставать не торопится.

– Сан Саныч, будь другом, дай партейку доиграть, а лучше сам присоединяйся. Времени ещё полно.

Я аж на секунду опешил от такой наглости, а его уже поддержали остальные:

– Да, да, давайте сыграем, товарищ председатель.

Я посмотрел на часы. Конечно, быть ближе к народу – это хорошо. Но в первые же дни идти на поводу у подчинённых... Знавал я таких начальников, конечно, люди их любят, они типа свои в доску. Но редко кто при этом умудряется выстроить реально эффективный рабочий коллектив. Лучше уж прослыть зазнавшимся ублюдком. Но я пока пытался держаться золотой середины:

– Сыграем ещё обязательно. Но не сегодня. Ильич, – я кивнул в его сторону, – пойдём, я планировал объехать все поля в середине дня, пока ещё светло. А вы, – я снова посмотрел на механиков, – отвезите два рабочих трактора туда же. Нечего им простаивать во время посевной, раз уж починили.

Овчинников недовольно поморщился, но всё-таки встал и пошёл к машине. Я попрощался с механиками, и тоже сел в козлика. Мы поехали на поля.

Ещё по прошлой поездке я знал, что дороги оставляют желать лучшего. И, несмотря на то, что после дождя лужи уже в основном подсохли, всё равно приходилось крепко держаться за поручни, чтобы не так сильно подпрыгивать на каждой кочке, которых здесь было не счесть.

К этому моменту я уже понял, что Ильич мало чем интересуется и, соответственно, мало что знает. Так что вопросы о полях ему задавать было бесполезно. Поэтому я попросил тор-мознуть его у одного из полей и нашел там одного из местных бригадиров, поджарого мужичка лет сорока с растрепанной бородкой и усами. Он представился как Прохор Петрович Иванов, и мы уже втроем поехали дальше.

Он рассказывал, что они обычно выращивают на каждом из полей. Ничего необычного, в общем. Часть посевных площадей отведена под корм для скота, клевер, люцерна, кормовая

свёкла... В остальном же выращивали рожь, пшеницу, гречиху с кукурузой, куда же без них, и тоже свёклу, только сахарную.

Судя по состоянию полей, работы еще только начались. Вспахать успели едва ли половину всех посевных площадей. Впрочем, с ужасной дисциплиной и тремя тракторами много и не успеть. А лошадок, на которых пытались пахать плугом и так было всего десять, так они ещё и в большинстве своём вконец измотаны. Мало того что несчастных животных гоняют и в хвост и в гриву, а плуги с боронами для них не самые подходящие, так еще и в конце зимы с кормами начались проблемы. А если на одном сене держать скотину, то результат на лицо. Да и с сеном видимо тоже всё не слава Богу, надо смотреть.

Собственно, это я и решил выяснить сразу после объезда полей. Высадив Прохора, мы поехали на животноводческую ферму. Там на близких друг к другу участках находились и силосные башни, и конюшня, и молочная ферма, и загоны с овцами и козами, и, разумеется, ангары и склады под все продукты животного происхождения.

Там, мои подозрения подтвердились. Из тридцати лошадок колхоза, на поле действительно работали еще самые приличные. Тому десятку и доставались те остатки кормов, что еще могли наскрести. А вот остальные оказались самыми настоящими доходягами. Их сейчас кормили по остаточному принципу, потому что в приоритете была пахота и молочная ферма. На втором месте овцы и козы.

Но в целом, состояние животных оказалось весьма удручающим. Настолько, что буквально хотелось зажмуриться, чтобы не видеть весь этот кошмар. Конечно, часть животных, которых мне показали в первую очередь, еще держались бодрячком, но были и такие, на которых без слёз не взглянешь. Тусклый взгляд, облезлая шкура с выпирающими ребрами. В общем, жесь натуральная.

Работники объяснили это тем, что прошлым летом, при заготовке сена на полях случился большой пожар, и погорело больше половины заготовленных кормов. Остальное почти не пострадало, так что план по пшенице и прочим продуктам они кое-как сделали. А вот животных пришлось посадить на жесткую диету.

Да уж. Оставалось надеяться, что весна будет тёплой, и недостаток кормов удастся скорее восполнить.

К слову, причину пожара никто так и не установил. Грешили на жару. Может и так. Но замечку у себя в голове я сделал. В этом году нельзя допустить ничего подобного.

Во время обхода я также с сожалением выяснил, что в моём колхозе нет даже маленькой птицефермы. Конечно, в деревне у некоторых в хозяйстве есть куры, но именно колхозных нет ни одной. Я уже молчу про гусей или индюшек. Вот и ещё одна замечка. Нужно над этим поработать.

За всеми этими делами, время пролетело быстро, но я был доволен. Не увиденным, не знаю кому бы это могло понравиться. Но теперь у меня есть хотя бы примерное представление о хозяйстве и работниках. Позитивных моментов, конечно, маловато. Но хотя бы понятно, какие проблемы нужно решать в первую очередь.

Ладно, пора возвращаться в деревню. Надеюсь, Аллочка уже подготовила список домов.

Я вернулся к машине, где меня снова поджидал сюрприз. И, честно говоря, Ильич уже задолбал. На месте его не оказалось. И, когда я поспрашивал о нём у ближайших колхозников, они лишь развели руками. Ну и куда он делся? Надеюсь не поперся опять с кем-то в карты играть.

Я облокотился на капот и прождал около пятнадцати минут, надеясь, что он просто отошёл в туалет, я не знаю. Но водила так и не появился. Да уж...

Нет, так дело не пойдёт. Если он за один день успел меня задолбать своим разгильдяйством, то что дальше будет? Надо бы узнать, у кого ещё в деревне есть права, и если Ильич не поймёт последнее предупреждение, то придется его поменять.

Ладно. Так можно и до ночи прождать, а мне ещё дома смотреть. Пройдусь пешком. А хотя, какого чёрта?

Я сел на водительское сидение, нащупал ключи зажигания, которые, конечно же, этот раздолбай оставил прямо в кабине, и поехал к зданию администрации.

Вообще всё очень странно здесь, почему никто ни в райкоме ни в других учреждениях даже не пытается решить проблемы этого злосчастного колхоза. Ладно у моих подчиненных руки из жопы растут, но начальники-то должны понимать что такая черная дыра как теперь уже мой колхоз и на них плохо влияет.

Что-то тут не так, надо с этим разобраться.

Глава 5

В здании правления я нашёл только Андрея, того самого парня, который вчера ездил на разведку клуба с Аллой. Сама же секретарь уже ушла домой, как и бухгалтер. Жаль, я хотел поручить ей подготовить завтра с утра собрание всех занимающих руководящие посты в колхозе: агроном, секретари партийной и комсомольской организации, главный механик, главный ветеринар, начальник транспортного цеха, и прочие. Надо уже по настоящему делом заниматься. Но ладно, придётся отложить совещание, так что я сосредоточил своё внимание на Андрее.

– Здравсьте, товарищ председатель, а я вас как раз жду, – сразу начал он, – Алла передала мне список свободных домов и попросила вам их показать. Передала, что все эти дома – собственность колхоза, и на этот раз бывшие хозяева точно не объявятся. Ну и за Ильича извинилась. Сказала, что он вас к одному из соседних домов отвезти должен был, но перепутал, видимо.

Да, кажись парень крепко на Аллу запал, раз так старается угодить, бегая по её поручениям. Надеюсь она не очередная вертихвостка, которая просто пользуется его расположением. Впрочем, это не моё дело.

А про ошибку водителя так вообще думать не хотелось. В печёнках сидит уже.

– И ещё вот. Лариса Ивановна велела вам передать, – он взял со стола бухгалтера что-то завернутое в тряпичное кухонное полотенце и добавил, – она подумала, что небось голодный вы и пирожков из дома принесла. С картошечкой!

Ой блин. Стоило ему это сказать, как у меня сразу живот скрутило. Пока по колхозу носился, как-то голод и не беспокоил, не до того было, но теперь прям накрыло. Недолго думая, я достал один из пирожков и тут же его слопал. Тёплый ещё. Хорошо то как! Андрею тоже предложил, но он отказался.

– Поехали тогда, – улыбнулся я ему.

Он кивнул и перед тем как выйти проверил везде свет, а потом закрыл входную дверь и протянул мне ключи.

– Вот. Ключи тоже вам передать просили.

Точно. У меня голова так крепко забита более глобальными проблемами, что о таких мелочах, я даже и не вспомнил. Ключ нашёл своё место в кармане, рядом с моим неизменным спутником – блокнотом.

– Кстати, а чем ты вообще занимаешься в колхозе? – спросил я, когда мы забрались в козлика и тронулись.

Парень смутился.

– Да я только что, считай, из армии вернулся. Месяца не прошло. Ещё никуда и не назначили... Помогаю вот по мелочам Алле и Ларисе Ивановне. Ну и родителям конечно. Старенькие они уже, а я самый младший в семье. Два старших брата среди городских жён нашли, теперь приезжают хорошо, если раз в год. В деревне только сестра осталась с мужем, но у них своё хозяйство. Вот...

Он снова смутился и резко замолчал, словно понял, что выложил слишком много личной информации. Я решил его подбодрить, потому что на первый взгляд парнишка вроде неплохой.

– Хорошее дело. Родителей беречь надо.

Он расплылся в улыбке, а я продолжил:

– А где служил?

– В Туве, пограничником. Водителем на заставе был.

– О, так ты водить умеешь? – оживился я.

– Конечно, как иначе. И на вашем 69-м и на грузовиках.

Нет. Он точно дебил конченный. Не Андрей конечно. Ильич. А Андрея, похоже, мне наоборот свыше послали в нужный момент.

Я резко затормозил и вышел из машины. Всё потому что впереди, буквально в нескольких метрах от нас, я заметил своего горе-водителя. Он, как мартовский кот увивался за какой-то высокой женщиной в цветастом платье с мелким рисунком.

– Александр Ильич, – громко окликнул я его.

Он обернулся, что-то шепнул женщине, шлёпнул её по попке, от чего она засмеялась и притворно ударила его в ответ, и только потом Овчинников соизволил подойти ко мне.

– Я смотрю, вы машину забрали, – улыбнулся он, – а я уж боялся, что возвращаться за ней придётся.

Не пойму он такой наглый или просто тупой? Пожалуй, всё вместе.

– Ты ничего не перепутал? С какой радости ты вообще решил, что можешь в деревню вернуться?

– Так это... вы чего? Я сразу понял, что вы там надолго застряли, а мне чего сидеть просто так? Я решил Наташку до дома проводить. Сами понимаете...

Он похабно ухмыльнулся и сделал попытку похлопать меня по плечу, я, конечно же, отстранился.

Нет. Он точно дебил.

– Слушай сюда, – жёстко начал я, – ты уже в первый день умудрился так отличиться, что дальше мы с тобой работать не будем. Тебе всего-то нужно было крутить баранку когда надо, но ты даже с этим не справился.

– Сан Саныч, ты чего? – он пытался говорить дружелюбно, но на его лице промелькнула злоба.

– Не перебивай. Во-первых, не «ты», а «вы», а во-вторых, с завтрашнего дня пойдёшь слесарем к своим дружкам. Только учти, что в карты сутками играть не выйдет. Будешь балду пинать, мигом снова станешь водителем только не машины, а кобылы. С плутом.

Овчинников покраснел и сжал кулаки.

– Вот так, да? Приехал московский и думаешь можешь так разговаривать? Я между прочим тебе в отцы гожусь!

– Это не значит, что можно халатно относиться к своей работе. Лентяев и тунеядцев я у себя в колхозе не потерплю. Продолжишь в том же духе, вылетишь сначала из партии, а потом и с работы. Разговор окончен.

Я оставил его осмысливать услышанное и вернулся в машину, слыша позади себя возмущённое бормотание. Однако, к чести Ильича, он всё же не стал раздувать скандал ещё сильнее или лезть в драку. Надеюсь, новое назначение пойдёт ему на пользу. Хотя я уже понимал, что наладить здесь дисциплину станет той ещё задачей.

– Андрей, – обратился я к парню, который наблюдал всю сцену из окна козлика, – поздравляю, теперь ты мой личный водитель.

Его глаза расширились от удивления, но рот расплылся в широченной улыбке.

– Серьёзно?! Нет, правда серьёзно?

Я кивнул, и он теперь уже не сдерживал восторженных эмоций. Я и не думал, что это назначение так его взбудоражит. Хотя он, наверное, был уверен, что его пошлют на полях спину гнуть. Тогда радость вполне оправдана.

– Обещаю, я вас не подведу! Спасибо, товарищ председатель! Во сколько мне завтра подъехать? А может мне уже сегодня отвезти машину в гараж?

Я тронулся, и начал отвечать на его вопросы. Пока мы обсуждали нюансы, времени как раз хватило, чтобы подъехать к первому из домов в моём списке.

– Ничего такой дом, ухоженный, – обратился к Андрею я, разглядывая небольшой, но уютный домик.

– Мне всегда в нём ставни резные нравились, – он указал пальцем на необычные узоры, – ручная работа, достойно уважения!

– Это снаружи он весь такой, а давай-ка посмотрим, что внутри творится. Крышу бы проверить, да пол. Если без серьёзных проблем, то я бы здесь и остался!

Стоило открыть дверь козлика, как Андрей поспешил меня остановить:

– Товарищ председатель, вы, конечно, извините, но это не тот дом. В списке указан соседний, а это, напротив.

Я машинально повернул голову в другую сторону и потерял дар речи. Тот самый дом, что возглавлял список, выглядел, мягко говоря, уставшим. Его сильно наклонило влево, но это ещё ладно. Самым проблематичным оказалось то, что дом с годами сильно так просел и выглядело это довольно безнадежно.

– Нет, здесь придётся всё сносить и строить заново, а времени возиться ещё и с домом у меня нет, – захлопнул дверь я, – Какой там дом следующий?

Андрей изучил список и ответил:

– Немного вперед и налево, за колодец, – он жестикулируя объяснил куда ехать, – не переживайте, другие дома, если мне не изменяет память, получше будут.

Я поехал по указанной дороге.

– Кстати, а где жил предыдущий председатель? – спросил я.

– Так он в Ульяново жил, сюда только по работе приезжал.

Я кивнул и какое-то время мы ехали в тишине.

– Александр Александрович, – вновь окликнул меня Андрей, – Я надеюсь, что вы у нас задержитесь надолго. И хоть наши могут относиться с легким пренебрежением из-за вашего возраста, но в целом, люди здесь хорошие. В беде не бросят.

– Слышал я уже, как из этой деревни люди сбегают. Думаешь я из таких? – на моём лице выступила ухмылка.

– Ещё чего! Ишь как Ильича на место поставили, я уж побоялся, что разнимать придётся. Правда он человек довольно злопамятный, да и на кулаки переходить не брезгует, так что советую с ним быть начеку, – предупредил меня мужик.

– Пусть только попробует! Я ему покажу, где раки зимуют. А насчёт возраста, я бы не относился так предвзято. У кого-то и к пятидесяти мозгов как у курицы! – вновь подумал о безответственном Ильиче я.

Мы подъехали к указанному дому и вышли из машины. Этот вариант выглядел куда более приемлемым, чем прошлый.

Я осмотрел небольшой дом из тёмных брёвен. С первого взгляда состояние удовлетворительное. Зашагав в сторону двери, я жестом руки подозвал Андрея, а затем поинтересовался:

– А кто здесь раньше жил, знаешь?

– Конечно знаю! – отозвался Андрей, – Семья одна, получили в наследство от бабки дом из другой деревни, вот и переехали туда.

– А чем наша деревня им не угодила? – в моих интересах продолжать собирать информацию о наболевших проблемах местных жителей.

– Думаю вы и сами уже понимаете. У семьи той ребенок есть, так вот они всё о школе мечтали. Боялись, что и их сынишка сопьётся в будущем. Пытались привить другие ценности. Вот собственно ради ребёнка и решились на переезд.

Вот оно как. Впрочем, наблюдая общую обстановку вокруг, я понимал что если и будет тут школа, то очень нескоро.

Но интересно, чем дети целыми днями занимаются и молодежь. Кроме того что родителям помогают. Обязательно займусь этим вопросом позже.

За домом я увидел ещё одну постройку. Издалека казалось, что это летняя кухня, но стоило подойти ближе, как меня одолели сомнения. После того, как дверь открылась, до меня дошло – это обыкновенный курятник, только построили его добротно.

Внутри располагались шесть гнёзд и насест из двух рядов. Конечно данный курятник весьма скромный, но на семью яиц бы вполне хватило.

Неподалёку от курятника, мы обнаружили деревянный душ. Не банька конечно, но сойдёт. Я открыл дверь и осмотрелся внутри.

Внутри ни света, ни нормальных окон, только лишь дыра в стене, прикрытая подобием занавески.

Ну, в первом доме душа вообще не было.

– Что ж, давай в дом зайдём, – обратился к Андрею я.

Он кивнул в ответ, но возможность зайти первому предоставил мне, видимо по статусу рассудил, с уважением.

Пол в коридоре хоть и скрипел, но не оказался гнилым. Хорошее начало.

За коридором меня ждала кухня. Несмотря на то, что бывшие владельцы дома переехали, забирать свои пожитки не стали.

– Господи помилуй, – перекрестился Андрей, – даже иконы оставили! Разве так можно?

Я посмотрел в уголок, который оказался оснащён специальной полкой под портреты святых.

Иконостас? Действительно странно, обычно их принято забирать с собой.

– Порядок в этом колхозе только сам Бог поможет навести, – перекрестился я.

Андрей уселся за стол и осмотрел комнату.

– Товарищ председатель, а ведь неплохо здесь! – он словно читал мои мысли.

Кухонька хоть и скромная, но внутри было всё необходимое. От посуды до умывальника с тазиком. Одна сторона печи, та что с поддувалом, выходила на кухню, а другая, как я уже догадался – в спальню. Чтоб теплее было.

Я прошёл в следующую комнату. Здесь конечно всё поскромнее. Первое, что бросилось мне в лицо, так это три застеленных односпальных кровати. На одной из них лежали несколько подушек, прикрытые белой накидушкой.

Отдам должное, хозяева оставили дом в максимальном порядке. Понимали видать, что могут кого-то ещё заселить.

Я вновь проверил деревянный пол, покрытый коричневой краской, но следов гнилых досок не обнаружил. Потом перевёл взгляд вверх. И пока я осматривал потолок, ведь после дождя на нём остались бы следы, если крыша протекает, Андрей сказал:

– Я пойду счётчик гляну, свет тоже нужно проверить в каждой комнате.

Дело говорит.

Парень направился на кухню и взял деревянный стул, встав на который он смог приблизиться к чёрному электросчётчику, что висел достаточно высоко.

– Можно проверять! – через некоторое время послышался его звонкий голос.

Я нажал на выключатель, и спальня озарилась светом.

– Здесь всё работает!

– И здесь, – включив свет на кухне выкрикнул он.

Спальня всё равно казалась какой-то пустой. На три кровати только один комод, и я не обнаружил ничего для досуга.

– Книжек бы или радиоприёмник...

Конечно, Филатов взял несколько книг с собой, в чемодане, но их надолго не хватит.

– Вы чего, это редкость, – достав из кармана список, посмеялся Андрей – у нас есть ещё несколько вариантов, вот третий на самой окраине располагается, а четвёртый, насколько знаю, не лучше первого будет. Думаю, стоит его пропустить.

Я вспомнил тот самый дом, что почти провалился под землю и сказал:

– Спасибо за помощь! Пожалуй, останусь здесь. Дом приличный и всё необходимое при себе, сомневаюсь, что найду лучше, да и вечереет уже. Меня полностью устраивает.

– Да, действительно достойный вариант, – кивнул Андрей, – если вдруг понадобится помощь, то не стесняйтесь обратиться.

– Ты забыл кое-что, – полез в карман за ключами от машины, – вот, держи.

Парень торжественно принял ключи от козлика и засиял от счастья.

– Благодарю вас! Вы во мне не разочаруетесь!

* * *

К тому моменту, как я подготовил себе спальное место, доел пирожки и подробно изучил дом, на улице уже начало темнеть. Из последних сил я сходил на колодец и принёс два ведра воды. Одно сразу же отправилось в умывальник, а второе оставил на полу.

Завтрашний день обещал быть длинным и сложным. Чем раньше лягу, тем раньше проснусь.

С такими мыслями я и отрубился.

Не знаю сколько времени я проспал, но разбудили меня громкие крики, что доносились из дома неподалёку. Сначала я пытался их игнорировать, но вот под громкий хохот заснуть оказалось довольно сложной задачей. Я поднялся с кровати и прислушался к шуму.

– Ещё одну рюмку! За вас всех! – раздался громкий крик с сопутствующим ему смехом толпы.

Это ещё что такое? На дворе ночь, а они тут застолье устроили? Да ещё и такое громкое! Пол деревни вымотать решили!

Я поднялся с кровати, оделся и вышел из дома, направляясь прямо на пьяные возгласы.

– Знаете, чего не хватает? – громко выкрикнул один из мужиков.

– Ещё больше самогона? – рассмеялся другой.

– Нет, самогона у нас достаточно! А вот бабы ни одной! – после чего раздался дикий смех.

Чем ближе я приближался к дому, тем больше непристойностей слышал.

В окнах горел свет, а узорчатая тюль не смогла скрыть за собой собутыльников. Я встал у окна и всмотрелся в происходящее.

За одним столом сидели восемь мужиков. Некоторых из них я уже видал ранее, на поле возле трактора, а добрую половину совсем не знал. Мужики пили самогон и играли в карты, сопровождая всё громкими эмоциональными криками, не стесняясь в выражениях.

Ну уж нет, не могу я это так оставить! Уверен, не только я страдаю от их шумных посиделок.

Вламываться в дом не стал, вместо этого постучался в окно, как и полагает.

– Стойте, мужики, там кто-то стучится, – услышал через открытую форточку я.

– Кого это чёрт принёс? Пойду гляну, чур не подглядывать! – он положил карты на стол и направился к двери, а его собутыльники тут же полезли смотреть, что же их приятелю выпало.

Дверь передо мной распахнулась, и на улицу выкатился бородатый мужик. Он прищурился, пытаясь разглядеть меня в темноте, но видимо не признал.

– Ты кто такой и чего надо? – перешёл сразу к делу он.

– Повеселее, хорошо? Я ваш новый председатель, а теперь и сосед. Но я не знакомиться среди ночи пришёл. Шумите вы очень уж сильно. Праздник поди какой? Я бы с удовольствием присоединился к веселью, вот только завтра с самого утра на работу, как собственно и вам.

Мужик немного стушевался.

– Сосед? А где живёте то теперь?

Без слов я кивнул в сторону своего нового дома.

– Только недавно съехали, а уже кого-то подселили. Дык это, если сильно шумим, то можем закрыть форточки. Мы просто собрались отдохнуть с мужиками, сами понимаете. День космонавтики, как никак!

– Понимаю конечно, но ведь ночь уже на дворе. Для таких застолий есть выходные дни, – попытался вразумить мужика я.

– Выходные дни? – он резко повысил голос, который теперь просто кипел от возмущения, – Да мы с утра до ночи работаем семь дней в неделю!

Его собутыльники до этого не особо прислушивались к нашему разговору, но как только их приятель вспылил, несколько человек сразу же встали из-за стола и вышли на улицу.

– Семён, случилось чего? – слышалось имя мужчины, с которым я разговаривал.

– Всё нормально, мужики! Пришёл тут один, но уже уходит... – кинув злобный взгляд в мою сторону объяснился он.

– Семён, это же наш председатель! – при свете лампы один из них всё же узнал меня.

– Да знаю... – отмахнулся он, а затем снова повернулся ко мне: – И не стыдно же вам, председателю, явиться сюда и что-то за выходные дни рассказывать! Тьфу!

– Выходные? Они у нас только по самым важным праздникам, пару раз в году! – подхватил его приятель, – В совете профсоюзов постановление о пятидневке приняли, даже Указ Президиума вышел, вот только выходных мы всё равно не видим.

– Вот, вот, – согласился Семён, – А нам тоже хочется отдохнуть! Эх, да что вам понять о жизни простых мужиков, – махнул рукой в мою сторону он.

О, как получается. Ещё один пункт, который мне следует лично проконтролировать. Нужно обязательно переговорить с агрономом и бригадирами. Как так, неужели они и правда работают без выходных? Так быть не должно! Подобное обращение с людьми, будет лишь порождать возмущение в колхозе, и то, что я сейчас вижу – прямое этому доказательство.

– Ладно, товарищи. Разберёмся, дайте срок. Я только приехал, но твёрдо намерен изменить жизнь в этом колхозе к лучшему.

– Как приехали, так и уедете! – Семён явно не шибко поверил моим словам, – здесь такие как вы не задерживаются. Дай Бог на несколько недель хватит. Пошли, мужики.

Семён вошёл назад в дом, а кто-то из его приятелей проронил ещё несколько слов напоследок:

– Был один, продержался у нас почти два года, а как построил себе дом под Калугой, так сразу испарился! На толкового председателя уже и не надеемся.

Толпа вновь вошла в дом, и игра в карты возобновилась, правда шуметь всё же стали меньше, да и окна позакрывали.

Больше я ночью не просыпался, да и вообще выпался на удивление хорошо. Позавтракать жаль нечем, в магазин бы сегодня заскочить, интересно что тут вообще продают. Блин, столько всего надо успеть, хоть разорвись!

Хорошо хоть в этот раз мне не пришлось ждать водителя или идти пешком. Андрей появился даже раньше, чем договаривались. Надеюсь, он сохранит свой энтузиазм подольше.

Мы приехали к зданию правления, и я решил, что сегодня сам за покупками всё-таки не поеду, так что делегировал эту задачу водителю, он с готовностью согласился и, высадив меня, тут же поехал выполнять.

Ну а я сегодня решил, как минимум утро посвятить бухгалтерии. Вчера я уже понял, что тут разбираться и разбираться. Придётся, наверное, Галину Ивановну прям рядом с собой сажать, чтобы она расшифровывала свою писанину. Впрочем, если она продолжит кормить

меня пирожками, то можно и простить невнятный почерк и другие мелкие огрехи, если в остальном всё правильно, а в самих расчётах нет косяков.

И действительно. Как оказалось, сама она довольно хорошо ориентировалась в своих записях. Я даже приободрился. Ну и, к тому же, она снова меня покормила. На этот раз блинчиками.

Да ещё, как оказалось, они вчера с Аллочкой прибрались в теперь уже моём председателском кабинете. Даже занавески постирали так, что они теперь радовали глаз своим белоснежным цветом.

Ну и в остальном здесь было, конечно, бедненько, но вполне уютно и просторно. Старенький, но большой стол, несколько шкафчиков, неизменные портреты вождей на стене и даже телефон. Единственный на всю деревню, как мне пояснили. Но главное, что он вообще есть.

В общем, приступил к делам я на душевном подъёме. Но плодотворно поработать нам всё-таки не дали. Хорошо если час прошёл, как к зданию подъехал автомобиль. Я сначала решил, что это Андрей вернулся. Но скоро услышал сразу несколько мужских голосов и топот явно не одной пары ног по коридору.

Дверь мы не закрывали, так что я с любопытством ждал гостей, которые вскоре показались в проёме.

– Здравствуйте, товарищ председатель! – сразу пробасил один из них, самый старший, да с бородой как у попа.

А всего их оказалось трое. Они тоже поздоровались, но не пытались как-то выделиться, явно отдавая инициативу бородатому. А так, обычные мужички лет сорока.

– А мы к вам знакомиться приехали. Я Алексеев Лев Иванович. Председатель колхоза Красная Заря. Прямо по соседству с вами живём.

Бородач широко улыбнулся, а я тем временем встал и подошёл к ним, после чего тоже представился, и мы пожали друг другу руки. Мою Лев явно пытался сломать. Я решил не уступать, хотя и ребячество это. Но, наконец, с этой формальностью было покончено.

– Да... Сан Саныч, – снова начал он. Как мы и думали, вам точно пригодится совет от товарищей постарше. Так что не стесняйтесь обращаться, если что.

Он явно намекал на мой возраст, а его соратники в это время посмеивались.

– Ну, возраст то не главное. Тут умения важнее, – уверенно возразил я.

Лев отмахнулся:

– Вряд ли вас, москвичей такому учат, что здесь важно. Да и будут ли люди слушаться? Мы вот тут ехали мимо полей ваших, да заметили, что вместо вспашки, часть ваших молодцев, пьянствует, а кто-то и дрыхнет уже прям на земле. Строже надо быть, товарищ Филатов, строже, – поучительным тоном закончил он.

Блин. Только этого мне и не хватало в разгар посевной!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.